

ЛЕОНИД ЧЕКАЛКИН

ВО ИМЯ

Стихотворения

Москва
ИПО «У Никитских ворот»,
2014

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)7.5
Ч 39

Чекалкин Л.И.

Ч 39 Во имя. Стихотворения. М.: ИПО «У Никитских ворот», 2014. – 344 с.

ISBN 978-5-9292-

В новой книге «Во имя» московского поэта и учёного Леонида Чекалкина представлены стихи, посвящённые семейным узам, памяти о близких, а также приведён стихотворный цикл об опыте выживания в разных жизненных ситуациях.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)7.5

ISBN 978-5-9292-

© Чекалкин Л.И., 2014
© ИПО «У Никитских ворот», 2014

РОДСТВО

*Не раз, не два от страха умирал
Отца во имя и во имя Сына –
Казалось, силу духа исчерпал,
Но всё-таки хватило силы,
Чтоб волю волей укрепить,
Призвав искусство речи,
И память ясной сохранить
Для вероятной встречи.*

КАРТЕЧЬ

Суметь бы уберечь
и сохранить живую
рассветную порою
услышанную речь.
И, видно, эта речь –
неведомо откуда –
словесная картечь
невидимого чуда.
А, может, это свет,
его и слышу речь я? –
Не ведает рассвет
души Замоскворечья.
Здесь помнят этажи
иные откровенья,
где я когда-то жил
до моего рожденья.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

В этот мир
Я когда-то пришёл
По лучу,
Что проник сквозь
Осколком
Пробитую крышу.
Я узнаю всё то,
Что узнать захочу,
А услышу лишь то,
Что услышу.
Я пришёл в этот мир –
Не покину его,
Все реалии жизни
Для жизни приемлю,
А цену от рожденья –
Превыше всего –
Солнца свет,
Согревающий
Землю.

МОНГОЛИЯ

Своим рождением я обязан смерти
Моей сестры в далекой стороне.
До той земли – немало километров,
Там довелось на свет явиться мне.
И, видно, скорбь по первому младенцу
В меня с моим рождением перешла,
И оттого болит и ноет сердце,
И ноша счастья – тяжела.

ГОДА ПРЕДФРОНТОВЫЕ

*Сороковые, роковые,
Военные и фронтовые
Д. Самойлов*

Перед войной увидел свет –
Во времена предгрозовые,
Прожив свои сороковые,
Ташу поклажу долгих лет –
Все пораженья и победы,
Сумятицу летящих дней.
Неочевидные пробелы
Теперь становятся видней.
И тропами пройдя крутыми,
Судьбу нисколько не браня,
Я дорожу сороковыми,
Создавшими меня.

1965

ВИНА

...Чтоб я ему ещё молиться мог
Ф. Тютчев

Не во зло и завсегда – во имя
Всех, кто был мне дорог на Земле,
Сон гоню мгновеньями ночными:
Мысль – жива, пока она – во мне.
А пока живу, я вспоминаю даты
В тишине заброшенной глуши,
Перед каждым – вечно виноватый,
Пусть и отдавал тепло души.
Наблюдая звёзды меж крестами,
Понимаю – всемогущий Бог
Одного меня в живых оставил,
Чтобы я за всех молиться мог.

ОТЧИЙ ДОМ

От ограды ветхой к дому
По тропе давно знакомой
Не один десяток лет
Я хожу на отчий свет.
Всё живое здесь наружу –
И цветы, и сорняки.
Проникая прямо в душу,
Смотрят круглые зрачки.
Это огненные росы
Выпадают на ветру,
Так от капель свет отбросив,
Ночь ведёт свою игру.
Я-то знаю, что не звери
Затаились впереди,
Но пока иду до двери,
Сердце ёкает в груди.

ПИСЬМО ОТЦУ

Это не предмет для разговора –
Осень метит мокрые кусты.
Острова Серебряного Бора
В ранний час – пусты.

Это не предмет для разговора –
Непривычно ранний листопад,
Панорама стылого простора,
Дождь, идущий невпопад.

Это не предмет для разговора, -
Осень, листопад или дожди...
Приезжай, пожалуйста, не жди.
Приезжай – зима начнется скоро.

Острова Серебряного Бора –
Сердцу милый край...
Есть предмет для разговора –
Я молю, отец, – не умирай!

МАТЬ И ОТЕЦ В МОЛОДОСТИ

Время катится. Мечется ветер –
Стужа Вятки сковала округу.
Здесь отец мой – он обликом светел –
Ждёт свою боевую подругу.
Где ж она, ненаглядная дева?
Хороша, хлопотлива без меры –
Шьёт обнову себе королева,
Из остатков оконной портьеры
И живёт ожиданьем венчанья,
Интерьер переделав жилища...
А отец ожидает свиданья –
Примёрзают к ногам голенища.

ДИНАСТИЯ

Я – последний боец
из военной семьи:
и отец мой ушёл,
как и братья мои.
Одному мне осталось
и жить-доживать,
и дела завершать,
и плоды пожинать.
А тяжёлая мысль
не подвластна уму:
Почему это все
одному,
почему?

БЕДА

Сдержи свои слезы, мужчина.
Мужчинам беда – не беда.
Какая скрутила кручина?
Какие ушли поезда?

Оставим его среди полдня,
Среди удивлённой толпы.
Пока он печали исполнен,
Глаза воспалённо-слепы.

Напрасны любые вопросы –
Не торкайтесь грубо в плечо...
Жжёт пальцы огонь папиросы –
Ни холодно, ни горячо.

ПАМЯТИ РОДИТЕЛЕЙ

1

Здесь жилым уже не пахнет.
И повсюду – здесь и там
Паучок, почти домашний,
Вяжет сети по углам.
Пыль покрыла стол и полки
Тонко выстланным ковром,
А орудье для прополки
Спит, забытое трудом.
Никакого нет сомненья,
Я теперь уверен в том,
Здесь хозяйкой – тень забвенья,
Им пропитан отчий дом.
Горе, радости, напасти –
Всё исчезло без следа.
Но раззять судьбу на части
Я не зря пришёл сюда.
Вспоминались детство, юность,
Мыслью острой обожгло:
И меня уже коснулось
Птицы-вечности крыло!

2

Отзовитесь, мой клич продолжительный – звонок,
Так кричит потерявшийся в поле ночном жеребёнок.
Отзовитесь хоть словом, хоть шелестом тихим,
Или голосом резким, которым кричит аистиха.
Дайте знак, на него непременно сумею ответить,
Хоть молчаньем, которое трудно бывает заметить,
Или светом священного, яркого летнего солнца,
Или отблеском первым луча, отражённым в оконце.
Дайте знать, что плывут ваши души в пространстве
Среди звёздных полей, и тоскуют в своём постоянстве
Обо мне – непутёвом, порой непоседливом сыне,
Чтобы я оставался таким же, каким пребываю донине.

3

Только так, а не иначе,
ни в каком другом ключе
пожелайте мне удачи
светлым днём, среди ночей.
Пожелайте мне терпенья,
чтобы я успел собрать
все припасы угощенья,
если Вы, отец и мать,
в прежнем облике-обличье –
летом, осенью, зимой,
или в час прилёта птичьим –
соберётесь вдруг домой,
чтобы я не затерялся,
направляясь по делам,
Иль в пути не задержался,
Озирая Божий храм,
чтобы встретил Вас по чести –
хлебом-солью, просто так,
как встречают. Если честно, –
как? – не знаю. Немастак.

ПЕЧАЛЬ

*Памяти отца –
Ивана Авдеевича Чекалкина,
генерала родом из деревни
Чекалки Вятской губернии*

Обрушилось время. Пора листопада
Настала в моём просветлённом лесу.
Не надо кричать, надрываясь, не надо,
Я грусть эту молча один пронесу.
Листва облетает, меняется зреньё,
И можно увидеть вдали за рекой –
Роняют листву и кусты, и деревья
Похожего леса – округи другой...
И, значит, повсюду пора увяданья,
И душу тревожит не только мою
Летящая тихо печаль расставанья –
Запомнил её и в молчанье стою...
Холодные краски стального заката
Ложатся на гребень холодной волны,
И смотрит отец отрешённо куда-то,
И слушает раны забытой войны.

СИРОТСТВО

Находясь у пропасти
В даденном году,
Вновь по Вятской волости
Памятью бреду.
Даль по воле случая
Вижу без огня –
Не видать попутчиков
На исходе дня.

Были, небылицы ли –
Оживают здесь,
Снеги кобылицами
Пролетали днесь.
Намело сугробины,
Скрылись берега
Жизни той особенной,
Что ушла в бега.

2010

ДОМ ДЕДА

Деревни нет давно,
А дедов дом – стоит.
И в доме том – темно,
Там тишина молчит.
И нет следов родни –
Нет никого нигде,
И местной пристани огни
Уплыли по воде,
Молчат за Вяткою леса,
Все тропы – заросли.
Столетье скрыло голоса
Во глубине земли.
И только яркая свеча
Над облаком парит,
И дедов дом – из кирпича,
Как памятник, – стоит.

ВЯТСКИЕ ПОЛЯНЫ

Памяти Николая Заболоцкого

Луна осветила владения сада.
Рельефно возникли кусты и ограда.
Подробности ночи, задуманной тайно –
Виденья и звуки – родились случайно.
Возникла и живность сама понемногу,
Шурша и шипя, поспешив на дорогу –
Мураши, как и прочие мелкие твари.
Разглядеть их подробно сумею едва ли
На тропе, где есть заросли всяких растений,
На делянке, где прячутся длинные тени.
Здесь никто сновидений привычно не ищет –
Тут добыча идёт вдохновенья и пищи:
Кто – букашку найдёт, кто – букву-травинку,
Обживая свою трудовую тропинку...
Всё – живёт. Здесь и я недалёко, в сторонке.
Отражаются звёзды в широкой воронке,
Где вечерняя влага неспешно скопилась,
Отражению звёзд, может быть, подивилась...
Утвердился порядок полночного сада,
Здесь на страже – открыто – кусты, и ограда.
И уходят сомненья, остаются печали.
Да не те, что меня опекали в начале.

РОДИНА МАТЕРИ

Открывается взору живое виденье –
Сеет светом привычно январь:
Тоньше слух, обострённое зреньё –
Зимних слов оживает словарь.
Не мешает усталости бремя –
Возвернулось забытое время.
И карябают звуки сухую гортань:
– Я вернулся к тебе, глухомань,
Здравствуй, вечное поле раздолья,
Ты, как прежде, слепишь чистотой
Там, где звоном живёт колокольня,
Одаряет округу своей высотой.
Где в санях, уносимых кобылкой,
Моя бабка себя осеняет крестом,
А внучок с озорною улыбкой
Подгоняет лошадку хлыстом.

УРЖУМСКИЕ СТАРИКИ

Притулились, толкуют
В опустелой глуши,
Обо всём маракуют
Две усталых души.
Славно греет Ярילו,
Не колышется даль,
Всё минувшее – зримо,
Настоящего – жаль.
Хорошо на припёке
Посидеть, помолчать,
И, забыв об упрёке,
Новый день привечать,
Наблюдать, как с пригорка
Тихо катится вниз
Беспризорно и горько
Пролетевшая жизнь.

2011

ДЕТСТВО. В НОЧНОМ

Здесь, где речки излучина,
Тайна ночи – остра,
Мной она не изучена,
Как и тайна костра.
А высотное облако
Тает в скрытой далí...
Конь небесного облика
Воду пьёт на мели.
Жизнь из прошлого сложена,
Как курган из камней,
Жизнь – штукавина сложная,
Но – подарена мне.

Мчится век, мною нажитый,
Всё ж из прожитых дней
Помню ясно: на пажити
Выпас вольных коней.

В НОЧНОМ

Наталье Чистяковой

Посмотреть, как лошади
Плавают в тумане,
В ночь я с шумной площади
Ухожу заране.
Над туманом – звонница,
А мой дом – не виден,
Там жилая горница
Не таит обиды...
Разговор затеплится,
А за долгим чаем
Ранний холод стерпится,
Да и снег – случаен...
Если вновь звезду ищу
Перед первым снегом,
Я живу связующим
Меж землёй и небом.

СЛЕПЕЦ

Памяти матери

А мать, измученная долгою войной
В глуши заброшенной, лесной
Случайным снадобьем,
похожим на лекарство,–
Издельем местного знахарства
От кори воспалённые глаза
Родного сына излечить хотела...
За каплей – капля,
За слезой – слеза...
И – слепота навек,
И – горе без предела.

И на прощанье у крыльца
– Жива ли мать? Спросил я у слепца.
– Да, мать жива, вот еду погостить,
Забор поправить, крышу подновить,
Да в огороде малость подмогнуть.
Я пожелал ему: – Счастливым путь!

БРАТЯ И СЁСТРЫ

А братьев и сестер – не выбирают.
Какие есть, дерутся ли, играют...
Не выбирают брата и сестру,
Когда судьба переросла игру.
Но страшно к брату не найти
 любви:
И кровь одна,
А вроде – разной крови.

ОБРЕЧЁННОЕ РОДСТВО

Опавших листьев
пестрый ворох соберу
У тихой пристани
в Серебряном Бору,
где обживали
с младшим братом
летний лес
под светлым пологом
распахнутых небес.
Здесь шелестела
беззаботная листва,
не зная ноши
обреченного
родства.

СТАРШИЙ И МЛАДШИЙ

Мысль пришла и не пропала,
Но вмешалась в жизнь мою.
...Время брата убывало
В том единственном краю
Ежедневного заката
И рассветного огня.
Как солдату от солдата
Шлёт записку для меня:
«Что скрывать перед уходом –
Мыслью я согрет одной:
Ты – живой под звёздным сводом,
Но уйдёшь – вослед за мной».

Боль иная прибывает –
Жизнь теперь один крою:
Младший брат не пребывает
В удивительном краю
Ежедневного заката
И рассветного огня.
Как солдату от солдата
Шлёт записку для меня:
«Моё время убывает.
Перед вечностью самой
Мысль глухая добывает:
Ты идёшь вослед за мной».

ОБРАЗЫ НЕЛЮБВИ

*Видно, время стало жёстче.
Загуляла желчь в крови?–
В каждом слове, в каждом жесте –
Боль бывлой любви.*

*В каждом действии и звуке –
Отрицанье тишины,
Словно память о разрухе
После дней войны.*

1

В гармоничном выраженье
цвета, запаха, поры,
где срослись воображенье
и реальности игры
солнца, ветра и движенья
облаков на фоне синем,
улетучились сомненья –
этот мир – других красивей.
Он похож на сновиденья,
Где однажды я увидел

Образ милого явления –
Ту, что позже ненавидел:
Не заметил я угрозу –
Белым облачком пришла,
Обернулась же – морозом,
Зная, – вишня расцвела.

2

Тревожна ночь, а утро – далеко.
Бессонница – без запаха и цвета.
И облаков снятое молоко
Смущает лик рассвета.
И каждый час часов я слышу бой,
В его безудержной напасти
Я чую времени ночной разбой –
Он разрывает сон на части,
А ночь своих не знает берегов.
Приходит мысль неукротимо –
Природа ждёт пришествия снегов.
И – вот они! Не пролетели мимо,
Легко укрыли землю и дома,
Кусты, необлетевшие деревья...
И можно, наконец, сойти с ума:
Любви вернуть слова доверья.

3

Ронять не стану бранные слова
И на упрёк упрёком – не отвечу.
И ты не в силах отобрать права
На эту ночь, покинувшую вечер
Благодаря погасшему костру,
Где головёшки – бывшие поленья,
На птицу – эту вольную сестру,
Дарующую время вдохновенья..
И эта ночь, костёр и даже птица –
Мой мир, а ты – недолгий образ сна,
Который пожелал сюда явиться
Лишь потому, что властвует весна.

4

В час весенний, в час урочный
Стихли южные ветра.
Вышел месяц-полуночник
Прогуляться до утра.
Дымкой лёгкою прикрытый –
Потерялись облака –
В море вынырнул открытым,

Скрасил думы рыбака.
Высветил высокий берег
Той тревожной стороны,
Где шагами путь измерен
От размолвки до войны,
От любви до слов презренья,
До прощанья (через боль)
В час внезапного прозренья,
Что пришло само собой.

5. Обида – беда

Научился распахивать двери
В неизвестность ненастных ночей,
Где гуляют свободные звери,
И бежит неизвестный ручей, –
Научился я видеть в потёмках
Свет изнанки у листьев в саду,
И, собрав на дорогу котомку,
Путь увидел, которым уйду
Из тревожно уснувшего дома:
Он меня не сумел уберечь
От весенней и тайной истомы –
Облекать сновидения в речь,

Превращать первозданные звуки
Ветра, леса, ручья и звезды
В бесконечную песню разлуки,
Где главенствует тема беды.

6. Ссора

Я знал изначально: нас время рассудит.
И всё ж, убеждённый в своей правоте,
Тревожить не стал утомлённый рассудок,
Пока он искал дальний свет в темноте –
В спрессованных временах будущих буднях
–
В той массе Всевышним отпущенных лет...
Конечно, лукавить сегодня не стоит:
Не смог я увидеть невидимый свет,
Где б счастье жило, находясь на постое,
Поскольку итога счастливого – нет.
И всё ж, пережив этой жизни остуду,
Давать никогда не осмелюсь совет:
Боюсь, что, прозрев, и бывшее забуду,
И слово презренья услышу в ответ.

7. Под парусом

Закат был огненной окраски,
А утро было полным ветра,
Для жизни новой – не опасным,
Поскольку ветер – часть рассвета.
А если это свежий ветер мая,
И солнце – цвета крови алой,
В него уйду, не вспоминая,
Как наше чувство умирало.

8. Земли голоса

В полунóчном огне
Догорают сухие поленья,
И чудится мне:
Отступают сомненья.
Это пламя играет легко –
Всё его извивается тело.
Ярко искры летят высоко,
От земли устремляются смело,
Где взлетают и падают птицы,
Рассекая на миг небеса,
Где по вольному следу зарницы
Оживают земли голоса.

9. Ожидание утра

Сквозняки гуляют в доме,
Кружит ветер во дворе,
Слышен зов, и зова кроме –
Ничего в ночной поре.
Буду вслушиваться чутко,
Мыслью трезвою томим –
Подкрадётся скрытно утро,
Я, как прежде, дружен с ним.
Озарённый светом новым,
Мир проснётся, и тогда
Пролетит путём фартовым
Загулявшая звезда.

10. Краски лета

Прозрачной летней ночью
Все краски озера видны,
Над гладью непорочной
Лишь всплески редкие слышны.
Подобный час необходим,
Чтоб смысл найти в ответе:
Скажи, ты мыслию томим,

Что ты – один на свете?
На целом свете – никого,
Вода, да лес – стеною...
А мне не страшно – оттого,
Что ночь сама – со мною.

11. Дикий хмель

Это грешное право даровал дикий хмель:
Я ключи не искал, а сорвал дверь с петель.
И деянье моё не казалось излишним –
Я, вломился, крушил всё, что было в жилище.
Я срывал покрывало и рвал его в клочья
Этой дикой, морозной горячечной ночью.
Разбивал и бокалы, и сны хрусталя,
Избавляясь от боли густой февраля,
От жестокого тока желанья в крови,
От холодной и горькой твоей нелюбви...
Но, едва ранний свет постучался в окно,
Отрезвление пришло. Снам оно – не дано.

12. Слепая тень

Избыть разлуки зимний стон
Полночных не хватает сил –
Все силы забирает сон:
Вчера он в память возвратил
Привал на солнечном ветру
В тот бесконечный день,
Когда вела свою игру
Моей любви слепая тень.

13. Сквозняк

С наступлением рассвета
Ветер тратил больше сил,
Чем в часы ночные лета,
Где впервые полюбил.
Да, любил, но время вышло –
И последней из потерь
Тень любви ушла неслышно,
Сквозняком прикрыла дверь.

14. Разные судьбы

Я помню этот жест
И выраженье глаз,
Таившие протест –
Решительный отказ
От предложенья жить
Со мной – одной виной,
И вечности служить
При верности земной.

15. Уход любви

*О, если б знали, из какого софа
Растут стихи, не ведая стыда...*

Анна Ахматова

Здесь ночной порою слышен
Дождь трухи из-под стрехи –
Не подвал обжили мыши,
А чердачные верхи
В богом брошенной глуши,
Где пристрастный голос страсти
Рвёт легко судьбу на части,
Оголяя строй души,
Честно борется с причудой –
С тайным вирусом в крови,
Вызывающим не чудо,
Не любовь,– уход любви.

ПРОЩАНИЕ

Я выйду рано поутру,
Чтоб впредь не возвратиться.
И резко вскрикнет на ветру
Мной потревоженная птица.
Назад невольно оглянусь –
Дом тих перед рассветом.
Его я помню наизусть...
Да что теперь об этом!
Теперь спокойны и тихи
Скупые кроны сада,
Где я читал тебе стихи,
Когда б читать – не надо.
Когда молчание могло
Сломить непониманье.
...Как незаметно рассвело
И коротко прощанье...

ПАМЯТЬ ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

О прошлом иногда скорбя,
Случайно вдруг припомню:
Простился с ней, ещё любя,
С подругой скромной.
А вспомнить дату не могу –
А помню только площадь,
Где мы прощались на бегу,
Стремясь – попроще б.
И слов любви не произнёс,
А мог ведь, мог бы.
Но жил тогда – под стук колёс
И чуял ветер волглый...
Ах, юность, вечная игра:
Лететь, спешить, – скорей бы...
Весенняя была пора,
Пушок дымился вербный.

ЗОВ МОРЯ

Владимиру Черткову

Кольшется марево зноя,
Как прежде, – у кромки воды,
Где лёгкой волною сквозною
Стираются чьи-то следы.
И эти приливы-отливы,
Играя слепящим лучом,
Не ищут случайной наживы –
Её не сыскать нипочём.
Глаза заслоняя от света,
Полёт гордых чаек слежу,
Живу в ожиданье совета,
В минувшее вновь ухожу,
Где долго молчал в диалоге
С попутчицей юной моей,
И там, на родимом пороге,
Призывы расслышал морей...
Желанья – грешны и бездумны,
В былое спеша сквозь года,
Поверил, что жить нужно трудно –
Не нужно любить никогда!

ОПАСНОЙ ТРОПОЙ

Не я этот путь обозначил,
Но тайной вверяясь судьбе,
Заране поверил в удачу –
Пошёл по незримой тропе.
Не видя, не зная дороги,
Куда-то пошёл наобум,
Оставил легко у порога,
Запас недодуманных дум.
Сбегая от пут повседневных,
Куда-то пошёл напролом,
Укоров не слушая гневных,
Которыми полнился дом.
Удач не предвидя и выгод,
Я просто пошёл наугад –
Искать неизведанный выход,
Оставив задумчивым сад,
Где лип продолжалось цветенье,
И запах дурманной висел,
И птиц проявлялось уменье –
Кто щёлкал, а кто-то свистел.
И озеро тихо мерцало
Живым отраженьем луны...
Но было прекрасным начало

Попытки забвенья вины.
Попытки в случайном движеньи
Найти снова силы в себе
Вернуться легко в услуженье
Капризной подруге – Судьбе.

НЕЖНОСТЬ

Пробираясь как будто по джунглям,
По чащобам таёжных лесов,
Я совсем не уверен – смогу ли
Выбрать главный из всех голосов.
Повинуясь движению мысли,
Я страшусь коренных перемен –
Вдруг забуду все даты и числа,
И приметы угроз и измен.
И без памяти, трудно и долго,
Буду снова и снова кружить
По велению скрытого долга –
Разрушая свои миражи,
По наитью. Предвиденью, что ли,
Не имея конкретных примет,
Слыша только томление боли,
Наблюдая дымящийся свет...
Я кружу по весенней округе.
Мало сил, чуть не сплю на ходу,
Но колышется ветер упруго,
Сквозь него всё иду и иду.
И в сознание врываются звуки,
Тихий трепет и шёпот листвы –
Все невнятные звуки округи,

Пробуждённой приходом весны.
В утомительном этом круженье
Мысль неслышно рождается здесь,
Где царит хлопотливое пенье,
И отсутствуют праздность и спесь –
Только моря и неба безбрежность...
Мысль приходит, в былое маня,
Где любви неуклюжая нежность
На земле сохранила меня.

ОБРАЗЫ ЛЮБВИ

1

Запах моря, запах терпкой хвои,
Влажный дух погасшего костра.
Мне тепла хватило бы с лихвою
Посидеть, подумать до утра.
Мир уснул, и только птичья стая
Не угомонится до поры.
Первый луч, в листву не проникая,
Не осушит сумрачной коры.
Что еще напомним о далеком? –
Резкий свет оконного огня,
Где живет легко и одиноко
Женщина, любившая меня.

2

На крыши вповалку ложатся дымы
По ветру, летящему с юго-востока.
Тепла попросил бы у ветра займы,
Сказав, что живётся теперь одиноко.
Но это – неправда, и часто во мне
Легко оживает вся память восторга –
Горит – не сгорает в немолчном огне:
Ведь ты не навечно бывшее отторгла.

3

А ночь – тревожна, утро – далеко.
Бессонница – без запаха и цвета.
И облаков густое молоко
Не заменяет лик рассвета.
Часов порою слышу сбой,
В его безудержной напасти
Вновь чую времени разбой –
Он душу рвёт на части
И нет спасенья от него.
Приближено, неудержимо
Спешит нашествие снегов.
Они – не пролетают мимо,
А покрывают землю и дома,
Кустарник и деревья...
И можно, наконец, сойти с ума –
К любви вернуть доверье.

4

И открылось дальнейе пространство –
Листопад был сух, красив и скор.
Осени цветное постоянство
Предвещает зимний разговор.
Но пока ему не вышли сроки,
А дожди не выпали совсем,
Длятся, длятся летние уроки,
Никаких не жаждут перемен.
Длится, длится время ожидания,
И в преддверье снеговой поры
Тороплю мгновенья до свиданья,
Вспоминаю правила игры.

5. Жена

Светлане

Твой взор лишь кажется скупым –
Таит он чувства чудо...
Костра струится лёгкий дым
Туда, где не бывал покуда,
Где стелется над полем и рекой
И заползает за границу леса
Туман – медлительной строкой
Полночного июльского замеса.
И шорохи, и шелесты – чисты,
И осторожен голос птичий.
Берёз колышутся листы,
Не зная меж собой различий.
И нашего молчания слова
Витают долго и тревожно,
Туман плывёт, колышется едва,
Сливаясь с дымом осторожно.
И тает тайны колдовская ночь,
Деревья вспыхивают дружно,
Как будто нам спешат помочь,
А помогать – не нужно.

6. Побег

Ни почёта, ни славы
Мне не нужно теперь.
Я ушёл от облавы,
Здравомыслящий зверь.
Я – той вятской породы,
У которой в крови
Обретенье свободы –
Не потеря любви.

7. Чудо-озеро

Прибитый ливнями и грозами
К твоей судьбе, моей беде,
Живу вблизи от чуда-озера,
Где листья мерзнут на воде.
Там у перил, на ветхой пристани,
Стою почти до темноты
И в воду вглядываюсь пристально,
В преображенные черты
Давно исчезнувшего неба,
Легко рдеющей листвы,
Еще не знавшей вкуса снега,
Забывшей запаха весны.
Почти невидимо течение,
Но листья сбились наугад
Туда, где свет граничит с тенью
И где господствует закат.
Грядут часы похолодания,
Наверно, будет ночь – светла.
Природа в этот час свиданья
Лелеет призраки тепла.

8. Без ложной суеты

Живого времени печать –
Печаль летящих дней,
Где птицы местные кричат,
Перед грозой – сильней.
Но это вовсе не печаль –
Печали лёгкой след,
Когда минувших дней не жаль –
Ни бед их, ни побед,
И вспоминается причал,
Игра ночных теней,
Когда нас ветер привечал,
Перед грозой – сильней.
А нежность прежняя живёт
Хозяйкой звёздной высоты,
Которая нам шанс даёт
Узреть без ложной суеты,
Как тихо утро настанет.

9. Память нежности

Тихо, тихо, но – прилежно
Время тянется в глуши.
Беспричинно – нежно, нежно
Сон касается души.
И в его смешенье с былью
Вспоминается легко,
Что счастливыми мы были.
В недалёком Далеко.
Но светлы, неприхотливы
Лёгкой памяти труды.
Там приливы и отливы
Стёрли быстрые следы
Виртуального побега
В неизвестность, вникуда,
Где засилье льда и снега –
Не спешим с тобой туда.
Пусть живут воспоминанья,
Грусть – высокая, а в ней
Вечный свет очарованья
Строгой нежности твоей.

10. Любовь – вольна

Почему среди зимних пейзажей
О любви проявился сюжет?
Он стоит ежедневно на страже
На позиции вверенных лет.
И не важно, в какие погоды
Завладела сердцами она,

Та любовь поднебесной породы,
Что в своих проявлениях – вольна.

11. Поздняя любовь

Воздушные замки витали по зимнему небу,
Внизу простирался свободный от снега залив.
И ночью холодной, желанью её на потребу,
Прилив народился, всё небо собой заслони.
А сон уходил, и рождались тревожные мысли,
И волны стирали небыстрые наши следы.
Тогда же легко на прогулку привычную вышли –
На нас посмотреть – две бессонных звезды.
А ветер гулял по просторам земным и небесным,
Там – звёздным, а здесь – ощутимым, земным.
И было до дрожи душевной узнать интересно:
Растает ли поздней влюблённости дым?

12. Метель

Светлане

Если в позднее время метели
заметают и путь, и крыльцо,
в этой снежной ночной канители
различаю родное лицо.
И теперь, выходя на дорогу,
направляясь к родному жилью,
призываю себе на подмогу
образ милый, который люблю.
Даже в долго кружащей метели
заблудиться, я думал, нельзя:
так призывно и ярко горели
моей милой живые глаза.

Наметало большие сугробы,
как барханы, дымилась они,
возрастали реально угрозы –
непрерменно упрятать огни
рукавами слепящей метели
при содействии ветра и мглы.
Но глаза так призывно блестели,
что не встретиться мы не могли.
А когда я, закончив круженье,

На открытые вышел места, –
В кружевном распознал обрамление:
Светофоры горят у моста.

14. Прогулки при луне

Прогулки наши при луне,
где скрип морозный снега
рождался в тишине,
Как часть другого века.
Скрип строки нарождал,
не сохранял их в тайне.
А где-то длился бал,
шумел необычайно.
А наша тишина –
важней той круговерти,
и строгая луна
не предвещает смерти.
Полночные леса
таят былую нежность,
а наши голоса
перетекают в вечность.

15. Воспоминание о горном ручье

Привнесу свой порядок в течение ночей,
В шум деревьев, в сумятицу птичьих речей.
Успокою течение быстрой реки,
Чтобы облако – образ забытой строки –
Отразиться сумело, не скомкав следы
Своего отраженья на глади воды.
Чтобы память вернулась из южных ночей,
Где доверил нам тайну холодный ручей...
Ах, какими прекрасными были года!
Поспешим в новой жизни с тобою туда?

ОЖИДАНИЕ СВИДАНИЯ

Несуразица какая:
Мы согреться не сумели –
Календарный срок ломая,
Снеги выпали в апреле.
Снеги выпали, но тают,
И ручьёв живые ленты
Из-под снега выползают,
И отмеривают метры.
Птиц обманутые стаи
С юга дружно прилетают,
Из последних сил, устало
Вновь осваивают ветры.
Но мы всё ж поверим снова:
Не напрасны ожидания
Предрешённого свиданья
С тайной искреннего слова.

АВГУСТÓВСКАЯ ГРОЗА

Похожие на шляпку вбитого гвоздя,
Упали капли летнего дождя
В густую пыль просёлочной дороги.
Сначала – редко, а потом – всё чаще
На поле, озеро, деревьев чащу
Дождя упали – вертикально – строки.

Приметы ослепительного зноя
Растаяли, как облачко резное,
Оставив тучам власть на полчаса.
А местных птиц разрозненная стая
Летит, те струи строк пересекая,
И празднично звучат их голоса.

А звук живительного грома
Как дальний гром аэродрома,
Которому трудиться – есть резон...
Ты поскорее выйди на крыльцо,
И нежной влагой остуди лицо,
Пей воздуха дурманящий озон.

И пусть легко кружится голова,
Придут давно забытые слова.
Ты их искала долго – не напрасно.
И, видимо, была права звезда,
Тебя призвавшая сюда,
Сказав, что жизнь – прекрасна!

СВЕТЛАНА

Если цель не найду по следам,
к ней дорогу подскажут деревья.
На рискованных тропах доверья
Я тебя никогда не предаю.
Я тебя никому не отдам,
никогда не предаюсь сомненьям,
но ревную тебя к городам,
к деревням и забытым селеньям.
Пусть и вера в судьбу не безгрешна,
сон приходит, разлукой грозя...
Я люблю навсегда безутешно,
оттого, что иначе – нельзя.

ОБРАЗ ВЕСНЫ

Нагие колышутся ветви деревьев морозных,
И снег наметает отряды сугробов бесхозных.
И тени густые ложатся, и свет проливается лунный,
И ветер стучится в стекло – он звук вызволяет
латунный.

И новые страхи приходят с рождением страсти –
Явить этот свет, эти звуки, хотя бы отчасти,
На белом листе, зачинив белоснежные перья,
Чтоб снова услышать далёкое девичье пенье,
Чтоб вспомнился образ, когда-то увиденный мною –
Желанной, цветущей, поющей, коварной весною.

ЯВЛЕНИЕ ЛЮБВИ

Я помню – не было начала,
и знаю – не было конца,
внезапно песня зазвучала,
лицо возникло улица.

И новым светом осветились,
и так остались на века,
как будто заново родились, –
деревья, звезды, облака.

БОГИНЯ

Я проснусь этой ночью заранее,
Раствориться успею в огне –
В чистом утреннем зареве,
Чтобы свет оставался во мне...
На земле всё упрятано в инее,
В белом панцире спят провода...
Надо мною восходит богинею
Неприметная прежде звезда.

ТАЁЖНЫЙ СЕВЕР

Тайно дремлет таёжная память,
Утонули в снегах дерева.
Если сердце людское – не камень,
Чутко точные чует слова.
Этот край и весёлый, и жуткий,
Бесконечен суровый простор,
Здесь, испытанный на прибаутках,
Лаконичен прямой разговор.
А в снега опускается солнце,
И ветра длят суровый набег...
На стекле мы продышим оконце
И устраивать будем ночлег.
Раскалится чугунная печка,
И твои загорятся глаза,
Приютив тайно блики от свечки,
Согревавшей в ночи образа.

ФЕОДОСИЯ

Промежуток южных суток –
Ночь. Пока ещё – темно.
С недобором добрых шуток
Длится местное кино.
Никого на волнорезе –
Море смирно возлежит,
На столбе, как на протезе,
Репродуктор дребезжит.
А курортники – по пляжу –
Разношёрстною гурьбой,
Разговор сумбурный вяжут,
Каждый – собственной судьбой.
Я – один, но ты – со мною.
Вижу, вглядываясь в даль,
Где медлительной волною
Смыло зимнюю печаль.
В небе облачко резное,
А над ним – неярко – свет,
Как лоскут тепла от зноя,
Из минувшего привет:
Что желаем – приключится,
Если в помощь – гладь и тишь...
Налетели шумно птицы,
Я молчу, и ты – молчишь.

КИСЛОВОДСКОЕ ОЗЕРО

Озеру полночному не спится –
Цепи у причала зазвенели,
Устремляясь в небо, полетели
Потревоженные птицы.
Я глаза зажмурю и открою,
И во всех подробностях увижу:
Подплывает горизонт всё ближе,
Исчезает тихо под горою.
И шеренгой длинную деревья
Сверху – вниз, поближе к водою
Устремились. В миг оцепененья
Замерли над каменной тропею...
Длится ночь осеннего покроя,
Озеру холодному не спится,
А вверху немые вьются птицы
И не могут обрести покоя.

НА ГРАНИ

На грани осени и лета,
Когда уставшая листва,
Теряя чувство естества,
Летит, сорвавшись с веток,
И устремляется к земле,
И падает на крышу –
Ты вспоминаешь обо мне,
А я всё это – слышу.
Но даже больше я скажу:
Не только слышу – вижу,
Я с провидением дружу,
Я к избранным приближен.
Из чаши неба пригубил,
Наполненной нектаром,
И получил немало сил,
И отдаю их – даром.

ВСЕ ДЕТИ – НАШИ ДЕТИ

1

Сознания нежный лоскут,
Волненья тончайшие плёнки
В минувшее снова зовут,
Где зори прозрачные – звонки.
А время – отложенный взрыв,
И память молчит осторожно...
Заплачет ребёнок навзрыд,
И – жить невозможно!

2

Нет ничего прекраснее
на свете,
Чем детский смех
на крымском берегу...
Меня всю жизнь
воспитывают дети –
Уроки эти в сердце
берегу.

3. По следу

Снег укрепил рассвет.
И, благодарный свету,
Едва угадывая след,
Я всё ж иду по следу.

Иду, не ведая примет, –
За всех детей в ответе
Живу, своих не чуя лет
На этом белом свете.

Живу, не праздную побед,
Но верую в победу.
Иду, прокладывая след
Идущему по следу.

СЫН

Последние листья
Предзимних лесов,
И ветер регистра
Осенних басов –
Могучие звуки,
Где скрипы ветвей –
Предвестье разлуки,
Последних вестей.
В них соло для скрипки –
У рощи берёз,
Порой – для улыбки,
Порою – для слёз
Осеннего ливня,
Грибного ль дождя.
А зимние гимны
Придут погоды.
И вспомнят свирели
Округи лесной
Весёлой метели
Прилёт ледяной.
Родится наследник
Счастливой зимой –
И будет посредник
Меж солнцем и мной.

1

День затихает мирно, не спеша.
Листва еще свежа, не облетела.
Моя душа невольно очерствела,
Родства не позабывшая душа.

На слабости я права не имею
(Мужчинам это право не дано).
Но сына не встречал давным-давно –
От неизбывной нежности немею.

Твержу ему весёлые слова,
Высокие слова приберегая.
Природа наша мудрая права:
Люби детей, люби, изнемогая.

Таков закон, придуманный хитро:
В невзгодах шанс сокрыт спасенья –
И требует отцовское нутро
Недолгого хотя бы утоленья.

2

Час памяти минувших лет –
Спрессованный и звонкий.

Как зашифрованный ответ –
Полночный крик ребёнка.
И боль моя – источник сил.
А также вечный стимул
Моей работы на Руси,
Где я ещё не сгинул.
Где я живу среди невзгод,
Не приручив кручину.
Смягчает натиск непогод
Любовь святая к сыну,
Где понял я наверняка,
И в этом нет сомненья:
Не разглядеть издалика
Тропинки примиренья.
Какого примиренья, с кем?
Всё заросло травойю.
И всё же не прощаю тем,
Кто предал той весною.
А был я, не был виноват? –
Вопрос не для юстиций.
В разлуке целый век подряд –
Из эры инквизиций!
Как это можно осознать?
И кто за боль в ответе?
Нельзя поэтов осуждать.
Они – правы. Как дети.

3

Тишина. Мороз.
И небо
Разбросало зёрна звёзд.
И пока не время снега,
Цвет господствует берёз.

Белый цвет на тёмном фоне
Неба, ночи и стены,
Моего не слышно стога –
Нет, и не было вины.

Так зачем же среди ночи,
Где хозяйкой – тишина,
Я пишу вот эти строчки,
И гоню остатки сна?

Никакого нету прока.
(Вновь – напрасные труды),
Где домашнего пророка
Все растаяли следы.

Только правде на потребу
Ночь бессонную терплю,
И опять внимаю небу,
Знаки тайные ловлю.

Нет ответа на вопросы –
Где, когда и почему?
Ветер вечности разносит
Мысль, не ясную уму:

Я за всех детей в ответе,
И наверно неспроста
Ничего не скроют дети,
Правду молвят их уста.

И спускаясь вниз по склону,
Перед пропастью самой,
Вновь скажу, и эти стоны
До небес дойдут волной:

– Почему же, почему же
У меня на склоне лет
Нет мальчика, кому я нужен?
Лишь молчание в ответ...

4

Я иду своей дорогой.
И порой ещё пою.
Потихоньку, понемногу
Строки нежные творю.
Призываю опыт предков,
Отмечая по уму:
Опыт этот, пусть и редко,
Мне полезен самому.
Потому что время нынче
Скоротечнее того,
Где когда-то по привычке
Не ценили мы его.
Деды, прадеды и дядьки
И иные мастера –
В установленном порядке,
Знали песню топора.
Всё же грустно, если дети
В становлении своём
Не припомнят на рассвете,
Как отцы их под огнём
Шли победною дорогой,
Воевали для того,
Чтобы дети понемногу
Обретали мастерство.

5

Не зачерствел душой
И трогает всё так же
Твой голос небольшой
И взгляд не эпатажный.
Привычный обиход,
И шаг твой осторожный,
Как тихий пароход
Из области острожной.
Уже не виден след,
Исчез с большой волною, –
Как каторжанин-дед
С косматой бородою,
Не знавший обо мне,
Не повидавший внуков,
Вот сгинул по весне
И нас обрёл на муку
Латать собой пробел
И объяснять причины
Большой цены побед,
И торжества кручины.

6

Вновь озноб рассветной влаги
Пронизал насквозь листву.
Белизна клочка бумаги –
Белый парус на плаву.
Белый парус в море синем.
Тает снег и вновь летит.
Он без видимых усилий
Устремляется в зенит.
Снег растаял быстро слишком,
Пристань смутная видна,
Где у нас с одним мальчишкой,
На двоих и кровь – одна.

Ощущение тревоги,
Ожидание беды...
Заметённые дороги.
Занесённые следы.

7

Я виноват перед тобой
Незабываемой виною:
В семейный не ввязался бой
Той, разлучившей нас, весною.
Но не бросай укора мне,
Наследник мой и повелитель.
...Бывал порою на войне
И проигравшим – победитель.

8

Есть бездумная скрытая сила,
Лик её мне почти незнаком.
Не она ль меня сына лишила,
И уютный разрушила дом?
И её краткосрочных деяний
Отголосок бунтует в крови:
Тридцать лет ожидаю свиданий,
Не теряю отцовской любви.

9

На той или этой неделе – припомнить мне важно,
Как птицы запретные песни пропели отважно.
Отвага невольниц не знает предела, покоя.
Листва же совсем под окном поредела от зноя.
И даже душа от того почерствела, застыла,
Но, вспомнив мальчишку-пострела, привычно заныла.
Но песни, запретные песни, пропеты отважно.
И ливень упал. Но не спас моё сердце от жажды.

ДОЧЬ

I. Жизни смысл

В нашем поле – бездорожье.
Даль нетронутой лежит.
В небесах по воле божьей
Птица хищная кружит.
Налетает стылый ветер,
Угрожает слать снега.
Я – единственный на свете,
Чья судьба ещё строга?
Принимаю жизнь, как надо –
Без тоски и без нытья –
Помню праздник листопада,
Помню пеньё соловья.
Ничего, что боль кружная
Поселилась с давних пор,
Ноет рана, заживая, –
С ней решаю давний спор.
Но совсем не в этом дело –
Жизнь не кончилась пока,
И явиться вновь посмела
Стихотворная строка.
И не в этом дело тоже,

Жизни смысл совсем иной –
Держит путь с судьбой похожей
Мой наследник молодой.
И живёт его сестрица,
Чей характер – не по мне,
Но его не видит птица –
Занавешен свет в окне.
Дочь моя – моя кровинка,
Значит боль её – со мной,
А судьба пред ней повинна
Несгораемой виной.

2. Молитва

О Господи!
Услышь мою мольбу.
Не за себя прошу, за дочь,
Всё существо её люблю,
И мысли продлевают ночь,
Не наступает долго утро,
Тревожная не покидает мысль.
Я долго вглядываюсь в высь,
Где взор небес укрылся мудро.
Молю:

О Господи! Спаси дитя моё!
И от неё отринь напасти.
Другого мне не нужно счастья –
Лишь только знать,
Что длишь ей бытиё.
О Господи!
На склоне моих лет
Яви свою святую волю –
И дочке подари рассвет,
Не омрачённый болью.
О Господи,
Храни единственную дочь,
Когда я буду ей помочь не в силах,
И вечная меня упрячет ночь
В своих краях необозримых.

3. Прошу прощенья

Не поддамся боли и злословью,
Отодвину ночь –
Я люблю прощальной любовью
Маленькую дочь.
Все мои победы, пораженья –
Тлен и суета,
Если самый смысл ее рожденья –
Высота.
Если вечный праздник удивленья –
В сердце у меня.
Стужи не боюсь, оледененья –
Жарко без огня.
Приручил и стал необходимым –
Словно свет в окне.
Но ведь я когда-то стану дымом,
Дымкой при луне.
И не тает льдинка отрезвленья –
Глубоко ношу.
Наперёд у дочери прощенья –
За уход – прошу.

4

Мне сегодня трудней, чем вчера.
И от этого кажется грустной
Пёстрых листьев сухая игра
В яркой кроне стоустой.

Снова осень – цветная пора –
Не жалеет ни света, ни красок.
Вот и трудится честно с утра,
Понимая, что день её – краток.

И пора отдавать все долги –
За удары, обманы, уроки,
За пощёчины поздней пурги,
Прилетавшей в весенние сроки.

За жестокости первой любви,
За разлуку с сынишкой и дочкой,
За бунтарство славянской крови,
Не согласной с последнею точкой.

5. Удача

Да, теперь не так, как в детстве,
Где и вечность – впереди,
Так стучало гулко сердце –
Сотрясалась клеть груди.

И теперь не так как раньше –
Не транжирю жизни дни,
Избегаю всякой фальши,
Жгу сигнальные огни.

И совсем не так как прежде,
Строю планы на потом.
Тайно теплится надежда,
Что беда минует дом.

И живу теперь – иначе,
Полстолетия спустя:
Я считаю жизнь – удачей,
Если здравствует дитя.

ВО ИМЯ ДЕТЕЙ

Пока живу, я чувствую, и слышу,
Как дышит лес, откуда птичий свист
Летит и отражается от крыши,
Хранящей осени кленовый лист.
А боль – сладка, по-новому томленью
Моей души пронзает естество –
Неведомое прошлому смиренью
Мне даровало близкое родство.
Я чую миг смирения гордыни
Под властью жёсткой жития –
Мысль сбереженья дочери и сына
Не покидает никогда меня.

ВНУК

1. Подросший тополь

И разлучить – не разлучу,
Не допущу забвенья.
Я просто жить их научу,
Слова стихотворенья.

К ним попаду легко в полон.
И – вон – не буду рваться,
От их движенья будет звон
В округе раздаваться,

От этих звуков, этих строк
На ниточках мелодий,
Моей душе всё будет впрок,
Её живой природе

Лишь оттого, что светел день,
И ветер чист и тёпел,
И звонкую роняет тень
Едва подросший тополь.

2. Яркий свет

Я выберу ни лето, ни весну,
А день поры морозной,
Поднявший жаркую волну
В моей душе острожной.
И мрачных мыслей череда
Исчезнет с болью прежней,
И не останется следа
В туманной дымке снежной.
И дней сокрытых имена
Возникнут без изъятий,
Исчезнет прошлого стена –
Из кирпичей-проклятий.
И зов таинственный вдали
Легко родит природа,
И он поднимется с земли
Под полог небосвода.
И я услышу этот звук,
Продляя жизнь – без меры,
Не помня горечи разлук,
Храня любовь и веру.
Теперь-то зная наперёд,
Что яркий свет продлится,
И будет долго длить полёт,
Гнездо покинув, птица.

3. Первая радуга

Внуку Илюше

Едва возникнет радуги
Цветное коромысло,
Легко родится надобность
В преображенье мысли.
Растает тень от облака
С короткою судьбою,
Очнётся свет от облика,
Любимого тобою.
Возникнет чувство праздника
Реальностью живою,
И дождь с лицом проказника
Пройдёт над головою.

4. На детском катке

Земля январская звенит,
Снежок летит – искрится.
И если посмотреть в зенит –
Там солнце веселится.
И не тепло на землю льёт, –
Морозец – с ярким светом.
На озере – прозрачный лёд
С прожилками из веток.
Кружит медлительный снежок –
Не для него ль без фальши
Звучит привычно и свежо
Фрагмент знакомый вальса?

Детей приятно толчея –
Здесь колокольца смеха,
Позёмки шустрая змея
Веселью – не помеха.

СОБОРНЫЙ НОЯБРЬ

Снова ночь полна печали,
Снов витает скрытный дух
Будто я опять в начале,
Обращаюсь в острый слух,
Чтоб услышать шёпот листьев,
Беспричинный птичий спор,
И сквозь неба полог мгlistый
Звёзд почуять разговор...

Но ведь это – день вчерашний,
Прожитого передел...
И душе почти не страшно
Покидать земной предел...

ЧЕСТЬ ИМЕЮ

Владимиру Силкину

Жил, служил, изведал страха
И сражений чуял пульс.
Но судьба – слепая сваха –
Заманила в мир искусств.
И в краю стихов и прозы
Вдохновенья слышу весть –
Не страшусь любой угрозы
Тех, кто продал свою честь.

ЗАМОЛЧАЛИ ПУШКИ

Бойцам 40-ой армии

Замолчали пушки,
Всё – конец войны,
И в стволах – заглушки
Плотно пригнанЫ.
Держат строй походный
На Термезский мост
Мирные колонны
Воевавших войск.

На Руси пристойно
В городах, в глуши –
Справлено застолье
За помин души:
«Те, кто не вернётся
Никогда живым,
В сердце остаётся
Вечно молодым».

Ну а те, кто живы –
Младший и старшой,
Весь народ служивый –
С выжженной душой.

РАССКАЗ БОЙЦА СПЕЦНАЗА

Впереди – скальный грунт или грязь непролазная
поля?
Невозможно понять, находясь пред туманной
стеной.
Но озвучен приказ – такова командирская жёсткая
доля –
Скоро двинемся в бой, неизбывной болея виной.
Перед этим хлебнём, как лекарство от стыдного
страха,
По сто грамм (или больше) неизбежной
спиртной чепухи,
Станет горько и жарко, нательная взмокнет рубаха,
Пока с хрустом солёным грызём из пайка сухари.
И мы ввяжемся в бой, не разведав назначенной цели,
Попадём в ад крошечный, в смертельный его
переплёт,
И, кто выживет, вспомнит, как в воздухе пули
свистели –
Там без усталости бил по ребятам живым пулемёт...

В чьё-то тело вонзалась горячая чёрная пуля,
А к кому-то осколок скалы ударял так под дых–

Только опыт врачей в свободном от взрывов ауле,
А поздней – в медсанбате, помогал оставаться в живых...

Заживали неспешно телесно-душевные раны,
К тем, кому повезло, возвращались и память, и слух
При условии важном, и, может быть, главном –
Если не был растрочен высокого мужества дух.

1980, 2014

ВETERАН АФГАНСКОЙ

Не ради славы и наград
Он был в районе том,
Где слышал рукотворный «град»
И рукотворный «гром».
Теперь не время горевать –
Был прав или не прав,
Когда пошёл он воевать,
И душу бросил в переплав?
А в мирной жизни непростой
Он говорит: – Я по ночам кричу.

Но память жесткая порой
Порой ударит по плечу:
– Ты сохранил немало сил,
И жить желанье есть? –
Не говори: – Вот там я жил,
А существую – здесь.
Бесценен опыт боевой,
И ты стране – не лишний.
Ещё возможен новый бой,
К нему готовь мальчишек.

1980, 2014

ФРОНТОВАЯ РАЗВЕДКА

Олегу Алёхину

Была промозглая весна.
Во сне смеялись черти,
И разрывалось тело сна
Угрозой близкой смерти.
И в эти мрачные часы
Ночного наважденья
Качнулись вечности весы
От сна до пробужденья.
А нить сознания – тонка,
И всё ж по этой нити
Я сам поднялся в облака –
К Архангелу и свите.
Он осязаемой рукой
Руки моей коснулся,
И я почувствовал покой,
И на земле очнулся.
Тогда увидел среди туч
Осколок чистый неба,
Откуда пробивался луч,
Овеществляя небыль...
Назавтра – пуля не брала,
Осколки мины – мимо...

Не зря же помощь подошла,
Когда была необходима.

1980, 2010

ВОЕННАЯ ДИНАСТИЯ

У костра согреваю ладони,
Грею душу, смотря на огонь.
Вспоминается ветер погони
Из реальных и мнимых погонь.
Назначая свидание с былью,
Отгоняю мучительный сон,
Где наш поезд, окутанный пылью,
Под обстрелом прошёл перегон.
В решето превратились вагоны,
На куски разлетелось стекло –
Зацепило рукав и погоны,
Подбородок и лоб – посекло,
И глаза затуманились кровью...

Как умею, сниму пелену,–
Поезд жизни я славой покрою,
А любую войну – прокляну.

НЕЛЬЗЯ УМИРАТЬ МОЛОДЫМ

Прилетит среди полдня приглушенный гром,
и не раз, и не два повторится.

Я увижу, как там, далеко за бугром
загорается снова и снова зарница.

Зачарованный зрелищем ярким, стою,
благодарно взираю на игры природы.
Я, спустя много лет, дифирамб им спою,
пронеся ощущения эти сквозь годы.

В этом мире нельзя умирать молодым,
нужно чувство беречь молодое,
потому что растает со временем дым,
и строкою живой обернётся Былое.

ГОЛОСА ВОЙНЫ

Время – грома-молнии.
Крúгом – голова.
Там, где слово молвлено –
Буйствует трава.
За простыми фразами,
Проще – за строкой –
Сон на грани разума –
Медленной рекой.
Если слово молвлено,
Оживают сны –
Вновь они наполнены
Памятью войны.
Беглая бессонница,
Мерные часы.
В отдаленье звонница
Пробует басы,
Чтобы мог заранее
Прозвучать набат –
Чтоб живых и раненных
Уберечь ребят...
Если слово молвлено,
Оживают сны.
Все они наполнены
Звуками войны.

ПОМИНКИ

Белый снег над чёрным полем
Вьётся, голову кружа.
Немудрёное застолье,
Осень поздняя – свежа.
Только след заката – пёстрый,
Дальше – мёртвая межа...
Я кусок горбушки чёрствый
Отрываю от ножа.
И шматок солёный сала
Я на чёрный хлеб кладу,
И сегодня, как бывало,
Спирт водой не разведу.
И по правилам разведки,
Не теряя чуткий слух,
Проглочу припасец крепкий,
Затаю привычно дух.
Ненадолго – дозой малой –
Память боли заглушу.
И куском горбушки с салом
Злую горечь закушу...
Неизбывно это бремя–
Вспоминать, кого любил...
Виноват я перед всеми,
Кто меня не пережил.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

В пейзаже мирном вижу я невольно
(Что ж, косточка военная – жива) –
Скрывают тайну медленные волны:
В них перископы движутся едва.
Пакгаузы в порту, как точки огневые,
Луна-прожектор обновила даль.
Туманы над рекой – завесы дымовые,
Но корабельная проблёскивает сталь.
И молнии разряд – как залп ракетный,
А гром – далекой канонады звук,
Напоминают мне салют победный
И вроде нет ни смерти, ни разлук.
Ликуют все – победа многолика,
И радость общая – на всех – одна.
Мы победили всё-таки в Великой! –
Не зря такую названа война.

1965

ВОЗМУЖАНИЕ

Ржание коня.
Не ржанье – стоны,
Некому конягу пристрелить:
То ли все истрачены патроны,
То ли жалко жалостью убить.
Пролетела весть по всей деревне,
Донеслись те стоны до меня –
В летний день послевоенный
Перебиты ноги у коня...
Выкопал наган на огороде,
Прибежал к коню через грозу...
Смыли струи с мёртвой морды
Чёрную слезу.

1965

ЛЕТО 1949 ГОДА

Памяти отца

Небо стало сумрачного цвета.
На огонь слетелась мошкара.
Ночь в посёлке. Середина лета.
Полутеней странная игра.
Свет погашен, тени обступили,
К изголовью лес почти впритык,
В стену дома, словно в чью-то спину,
Сук осины – непримкнутый штык.
Близкий голос поздней электрички
И – тревожно – паровозный крик,
Яркий блик от одинокой спички
На окне испуганно возник.
Спящих комнат тишина сквозная,
Четкий ритм дыхания не сбит.
Но под сердцем, снова возникая, –
Страх за тех, кто по ночам не спит.
Стало небо пепельного цвета.
Сердце беспокойное – в груди.
Ночь в посёлке. Середина лета.
Середина века – впереди.

ОТГОЛОСКИ

Снова в доме ночном – тишина,
Ожиданье ночного прибоя.
Окна – настежь, влетает волна
Отголоском минувшего боя.
И – опять тишина. Лишь часы
Мирно меряют время ночное.
Где-то бродят поблизости сны,
Обещая минуты покоя.
Я не сплю, я дыханье ловлю,
Чую сердцем волнение пульса.
Я вас, мирные люди, люблю
И желаю всем – утром проснуться.
Отступает легко тишина –
Снова – время ночного прибоя...

Окна – настежь. Влетает волна
Отголоском грядущего боя.

1965, 2014

ЗВЕЗДА

Большой войны запомнил гром,
О том продляю речь я,
Снятым спасённый молоком
И воздухом Замоскворечья.
Но не о том рассказ веду,
Что мне известен голод –
Спешу прославить ту звезду,
С которой выжил город.
И защитить её спешу,
Навет изгнать увечный:
Я в сердце вечный свет ношу –
Звезды пятиконечной...
Смертельную осилили беду,
Теперь беда иная – близко...
Но помним каждую звезду
Военных обелисков.

1965, 2014

МУЖЧИНЫ

*Мужчины умирают, если нужно,
И потому в веках живут они*
М. Львов

Жестокое время молчания.
Будь проклятым, кто изобрёл
Возможность глухого отчаянья,
К которому в жизни пришёл.
Нельзя поддаваться кручинам,
Запутавшись в прорве забот,
Поскольку серьёзный мужчина,
В житейский попав оборот,
Случайно возникшую слабость
Обязан всегда одолеть,
Припомнив, что есть ещё радость –
Возможность в бою умереть.

ИСПЫТАНИЕ БОЕМ

Послевоенной вынынчен наукой,
По ней судьбу давно крою:
«Привязанность проверится разлукой,
Приверженность проверится в бою»...
Ещё я скован горечью потери,
Но никого на помощь – не зову:
Мужчины не нисходят до истерик,
А выбирают мужества канву.
И, снаряжённый правильной наукой,
Спустя полвека ясно говорю:
– Привязанность проверена разлукой,
Приверженность испытана в бою!

1965, 2014

ПОБЕДИТЕЛИ – ЖИВЫ

Однообразно-бесконечны вечера:
Привычно здесь резвится детвора,
И светят приглушённо фонари
От вечера до утренней зари.
И здесь же обсуждают жизнь страны
Три ветерана той – большой – войны.
И пар дыханья тает без следа.

А память возрождается во мне,
И мысль приходит, как беда –
Не памятники ли ходят по земле?

ДЕД И ВНУК

Идут года, спешат года.
И что же?
Минувшее чем дальше,
тем дороже.
Как будто угли ворошит
в золе:
Вот вспыхнет уголек
и высветит во мгле
Дни юности,
сгоревшие в огне.
Как будто в прошлое
приоткрывает дверь –
Там дня не проходило
без потерь.
...Как хорошо, что ты
не ведал той беды.
Подай-ка, внучек,
старому воды.

ВETERАН
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

1

Прошёл немало адовых кругов –
И пусть – не девять, и не восемь,
Но помнит эскадрильи облаков
И тени их, слетающие оземь.

Он – праведник Великой той войны,
Хранит запасы воинского духа,
И за собой не ведает вины,
А звуки боя достигают слуха.

2

Он помнит первых листьев шелест –
Живой, не из анналов прозы,
Тем летом дружно приоделись
Каштаны, вязы и берёзы.
Он в памяти хранит салют зарниц,
Неистребимый горький запах,
Витающий над ранами бойниц,
Смотрящих пристально на запад.

1980, 2014

3. Старый пилот

Следит он за полетом облака,
За превращением его живого облика –
От белоснежного, на вид – морозного,
До хмурого, и даже грозного.
И в созерцанье том достанет радости –
Пока душа не знает праздности.
А праздники – давным-давно утеряны –
Остались позади – в убитом времени.

30 ЛЕТ СПУСТЯ

Затишье.

И кроны деревьев – недвижимы,
не чувствуют скорби,
не знают наживы.

Над ними – громада
плывёт облаков:
вершины – светлее,
темнее – с боков.

Желанный покой
не приходит ко мне,
растаял на подступах
к поздней весне.

Наверное, в мерной
укрылся капели,
пока согревался
я в шкуре шинели,
пропахшей ветрами
и грязью дорог,
пока получал я
от жизни урок,
теряя товарищей
близких в бою,
пред кем преклоненно
порою стою...

УЧЕНИЯ

*Памяти поэта Александра Рёвича,
солдата из штрафбата
в Сталинграде*

Рассвет привычно тороплив
В своём стремленье смелом –
Все светотени перевив,
Явиться светом белым.
От крыши отразился блик,
Всходящим солнцем полный,
И повернул лохматый блин
К нему чужак-подсолнух.
И резко птичий пересвист
Пронзил насквозь окрестность –
Спит необстрелянный горнист
У изголовья песни.
Пора бойца растормошить,
Чтоб чуя звуки в горле,
Он передал тепло души
Тревожной песне горна...

Сигнал раздался в полусне:
– Вставай! Вставай, пехота! –
Как на войне, не на войне
Нужна твоя работа.

1965, 2014

ПОСЛЕ СЛУЖБЫ

Находясь на перевале,
Обращаю взгляд в зенит.
Четверть века – срок немалый, –
В сердце – колокол звенит.
Память – штука не простая,
Не уходит без следа:
Календарь назад листая,
Проникаю сквозь года.
Мысли искреннего толка
Пробуждает здесь война –
Свист летящего осколка
Разрывает тело сна.

ВЕСЕННИЙ ПРИЗЫВ

Солдаты-юнцы на армейском плацу
В шеренги построены ровно.
Военная форма мальчишкам к лицу –
Подогнана точно и скромно.
Трепещет листва на весеннем ветру,
И солнце наводит повсюду порядок –
Оно помогает ввязаться в игру,
Где учат атаке под взрывы снарядов.
Походы и марши ещё впереди,
В ученьях накопится опыт сраженья,
И трудится сердце ритмично в груди –
Пока не изведена боль пораженья.

СОН ПЕРЕД БОЕМ

Едва только солнце взойдёт
И празднично выбелит горы,
Как дрожь вековая проймёт
Спокойно лежавшее море.
Так в час перед новым броском,
За миг до атаки когда-то
Тревога пробежкой, ползком
Сближала солдата с солдатом.
А может было не так,
И тайно душа заклинала,
Чтоб пуля во время атак
Меня и друзей миновала.

ИЗ ПИСЬМА ОТЦА С ФРОНТА

...Нет, не изжил я ненависти зло –
И от него порой заходится дыханье.
Но вот сегодня, наконец-то, повезло:
Сумел услышать колыханье
Листвы преображённой рощи,
Раскинувшейся здесь, недалеко,
На берегу, над медленной рекой.
Здесь размышлять о вечном – проще,
Чем думать о грядущем дне
С его опасностью и бытом...

Почаще вспоминайте обо мне,
Израненном, но – не убитом.

1965

РОДИНА

М.Л.

Словно вбито крепкими гвоздями
Это слово точного литья...
Битое морозом и дождями,
Жалами враждебного огня.
Это – вера в дедовскую землю
С зёрнами надежды и любви,
Сердцем всем её приемлю,
– Спробуй-ка, от сердца – оторви!

1970

ТРЕВОГА

В чистом поле снег клубится.
Дует ветер низовой?
Заполошно всадник мчится
С непокрытой головой.
Преисполненный тревоги,
За спиной оставив кров,
Он, не ведая дороги,
Снеговой крошит покров.
И – нахлёстывает плётка,
Оставляя след огня
На боках упругих, потных
Белогривого коня.
Видно, чёрная кручина
Посетила чей-то дом.
Вот и веская причина –
Устремиться в ночь верхом...
Скрылся всадник оголтелый,
Пролетел и... позабыт
Только след остался белый
От стремительных копыт.
Ночь простёрлась от порога
Вдаль – по улочкам пустым.
Не рассеялась тревога,
Растворился снежный дым.

ШЁПОТ ИЗ ШУМА

A decorative flourish consisting of symmetrical, flowing lines and scrollwork that frames the text. It features a central vertical element at the top and bottom, with horizontal scrolls extending outwards and upwards, ending in small, fan-like motifs.

*Самой судьбой придуман долг –
Таить в душе стихотворенье,
Где образ нежности – продрог,
Где не востребовано чувство
Любви. Но чувствовать – изволь...
Поэзия – почти всегда – безумство,
Как былъ, в которой правит боль.*

ВРЕМЯ ПОКОЯ

Жаркой дремою наполнен окоём,
Час настал полдневного покоя.
Мы опять с природою – вдвоём:
Я – раздумьем, а она – рекою,
Вереницей лёгких облаков,
Рощицей с весёлою листвою...
Поживу ещё, и – был таков,
А останусь на земле – строкою.

СЛОВО

Небеса, подкрашенные светом,
Солнечной фантазией лучей...
«Помолчи, не жалуйся, не сетуй» –
Слышу, – мне советует ручей.
Я слежу за шалостями лета
И внимаю звукам. При ходьбе
Впитываю запахи рассвета
И на волю отдаюсь судьбе.
Привыкаю трудно, понемногу
Долгое молчание хранить,
Чтоб услышать сердцем слово Бога,
Словом тем о Нём заговорить.

ПОЭЗИЯ

Всё продолжается прощанье –
Не первый день, не первый год.
Невыполнимо обещанье –
Забуть сумятицу невзгод.
Живучее долготерпенье...
Самой судьбой придуман долг –
Таить в душе стихотворенье,
Где образ нежности – продрог,
Где не востребовано чувство
Любви. Но чувствовать – изволь...
Поэзия – почти всегда – безумство,
Как быль, в которой правит боль.

УТРО НАСТУПАЕТ

Для будущего силы не рассчитывал,
Не ввязывался в праздную игру,
Я просто чувства острые испытывал
Во время сновидений поутру.
Вознагражденье не было обещано,
Я в мир пришёл – о чём теперь жалеть?
Вот облако, похожее на женщину,
Плывёт, чтоб нашу землю обозреть.
И облик образа меняется безжалостно,
Его пытаюсь мыслью удержать,
Кричу вдогонку: подожди, пожалуйста,
Не торопись навечно улетать.
Я жизнь – не разлюбил. Но – что теперь?
Глаза раскрою, чтобы рассмотреть
Как незаметно наступает оттепель,
Снега свою не замечают смерть.
И страха – нет. И не было, как будто.
Но что такое? Сбился я с пути?
Мне сновиденье подарило утро –
Пора очнуться и себя найти.

ВЕК – НЕДОЛОГ

Бьют часы глухую полночь.
И в пещерной тайне сна
Ощущаю только горечь
Застарелого вина.
Нет вины. Но есть усталость
От пришествия пурги...
Запутала где-то старость,
Чуть слышны её шаги.
Устремленья сна – конечны.
Чтоб не стала вечной ночь,
Выхожу судьбе навстречу,
Собираясь ей помочь.

ОБЛАКА

Счастливой мысли следуя далёкой,
Иду своей, не чьей-нибудь, дорогой.
А надо мною – облака грядой,
Своей обременённые судьбой.
Идут неудержимо – мимо, мимо
Туда, где ново всё, неповторимо,
На дальний свет зарницы грозовой,
На ближний дым и ветер низовой.
Идут, души моей не потревожив, –
Им безразлично всё, чем жил, что прожил.
И от меня не ждут они участия –
Счастливые, они не знают счастья.

ПОКОЙ

Чистый воздух декабря,
Чёткий ритм дыханья.
Яркая встаёт заря,
Дарит свет сознанья.
И живёт покой в груди,
Снег лежит на поле...
Будто не было в пути
Горечи и боли.

ЖАЖДА

Охоло́ни, остерегись до срока.
Пускай молчат до времени уста,
Когда приспела жгучая морока –
Испить росы с кленового листа,
Испить воды из речки, из колодца,
Водицы дождевой из колеи.
Любую влагу вычерпай до донца,
Но – непременно – жажду утоли.
Так успокой горячее дыханье,
Чтоб зноем затемненное сознание
Случайно не посмело осквернить
Свято́е дело – правду говорить.

ПО РУБЕЖУ

Итоги жизни – нет –
не подвожу,
Иным порабощён занятъем:
Я, как всегда, иду по рубежу
Между любовью и проклятьем.
Между водицей ключевой
И затхлой влагою болота...
И в этой жизни кочевой
Живу. И жить еще охота.

РАЗБОЙ

Двух облаков громоздких гроздя
На встречных курсах исчерпали путь –
Не грянула гроза! А душное предгрозые
Томило душу и теснило грудь.
Не грянула гроза. Но ожиданье грома,
По всем приметам собиравшегося быть,
И не заставило о деле позабыть,
Но вот сумело – задержало дома.
Эх, лучше бы сверкало и гремело,
Да щедро б ливень жертвовал собой...
Мучительны – незавершенность дела
И ожидания бесплодного разбой.

ЮНОСТЬ МИНОВАЛА

Щенячьей юности угомонились дни,
Эпоха зрелости пришла не без оглядки:
И страшно потерять в житейском беспорядке
Судьбы своей сигнальные огни.
А если мало дня, беру я ночь в придачу,
Чьи шорохи и шелесты – глухи:
В ошибках прошлого – грядущие удачи.
Но, может быть, и новые грехи?

КОРАБЕЛЬНАЯ РОЩА

П. Лукичу

В этом крае исконно-тверёзом
Поселиться не может беда...
Оголяются ветви берёзы,
Вот и осень приспела сюда.
Ах, теплынь – эта ранняя осень:
Снег пройдет и дождей череда, –
По ложбинке в лощину с откоса
Пробежит торопливо вода.
Прямота корабельная сосен
Заставляет вернуться сюда,
Чтоб ответы найти на вопросы,
Не боясь, что сгоришь со стыда.

КРИК

Не грусти, не тревожься, не сетуй
И не думай о прожитом дне,
Чтоб лицом повернувшись к рассвету,
Раствориться в рассветном огне,
Чтобы только не чувствовать боле
Беззащитность бескрайних полей
Чтоб душа не сомлела от боли,
Скрытой в крике живом журавлей.

ОДИНОЧЕСТВО

1

Горечь тополиных почек,
Влажный дух костра.
Подступает к сердцу полночь –
Творчества сестра.
А среди явлений прочих –
Яркий свет зарниц,
Пробудивший среди ночи
Задремавших птиц.
Пусть рядком сидят на ветке...
Веселей, конечно, жить,
Если есть возможность с кем-то
По душам поговорить.

2. Крепкое жильё

Вот задумка вызрела:
в отпуск на три дня.
И – сюда, где сызмала
не было меня.
Отыскал, не выстроил
крепкое жильё.
Здесь на эхо выстрела –
птицы да зверьё.
Ах, судьба, всё вынесла –
занесла сюда,
Где по воле вымысла –
в небесах стада.
Где порвал и выбросил
прежние грехи...
И у неба выпросил
волю и стихи.

3. Праздник

Мокрый снег на ветви лепится,
Изменяет цвет глуши.
Боль – не боль, пустяк, нелепица –
Сон разбуженной души.
Лунный свет сочится медленно
Сквозь ночную пелену,
И печально и уверенно
Он пронзает тишину.
Изучив пейзаж заказника,
Удивиться поспеши –
И, возможно, станет праздником
Одиночество в глуши.

4. Снега́

Быль – не быль, так, – несуразица,
Промах маленький души.
Мне бы с ним скорее справиться,
Обрести покой в глуши –
Там, где свет сочится медленно,
Пробиваясь меж ветвей.
Неуместно думать въедливо,
Лучше думать – веселей,
Веселей смотреть на облако,
И следить издалека,
Как к нему плывут по-доброму –
На подмогу – облака.
И бредя в туманной полости,
Благодарным быть тому,
Что снега́ в своей покорности
Не подвластны никому.

ВЕСЕННИЕ ВЕТРЫ

Вот весенние ветры.
Они могут помочь,
Одолев километры,
Отогреть нашу ночь.
А, быть может, иное
Учинит ветровьё –
Оживит ледяное
Сердечко твоё?
Может ветру удастся
На нелёгком пути
Дать садам оклематься,
Чтоб потом – расцвести?

Коли так, свою силу
Ветер вновь наберёт,
Отогреет России
Озябший народ?

ЗАГЛАВНАЯ ИГРА

От декабря до февраля –
Короткий срок.
В холодном свете фонаря
Ученье – впрок.
А ночь раскинула крыла,
Сгущает мрак,
Метель сугробы намела
Не просто так:
Реки укрыла берега,
И скрыла лёд,
И не закончились снега,
И длят полёт.
И загорается свеча,
Бросая блик,
И тёплый свет его луча
Во мрак проник...

Проникновение добра
В судьбу глуши
И есть заглавная игра
Моей души.

СВЯЗЬ С ВЕКОМ

В час ночной снегопада
Скрыта кромка воды.
Побережья бы надо
На краю у беды.

Побережья б неплохо,
Чтоб живой сохранить
С одуревшей эпохой
Всепрощения нить.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Одинокой звезды бесконечна свобода.
Лишь прибьёт облака к берегам
Приземлённого вечного свода, –
Обращаю свой взор к небесам:
Вновь приветствую промысел Божий.
Находясь в заповедном краю,
Я, на прадеда ликом похожий,
Жизнь согласно заветам творю.
И свои благодарности снова
Посылаю в безбрежье высот,
Где рождается чувственность слова,
Не задетая ядом красот.

ПОКА СОЗНАНЬЕ ЯСНО

Спасибо, небеса.
Поклон тебе, природа:
Я слышу голоса
Нагрывшего года.
И я – вооружён:
Предвиденьем приручен,
И мыслью – снаряжён,
И навыкам – обучен.
И знаю – почему:
Спешу судьбе навстречу,
Пускай не по уму
И путь земной конечен.
А помыслы – стары,
По-новому прекрасны:
Живу до той поры,
Пока сознание – ясно.

ФИЛОСОФИЯ БОЛИ

Переполнена чаша терпенья.
Философия боли – жива.
С неизбежною долей сомненья
Тяжело обретаю слова.
Бесполезная с виду работа,
Но она сотворяет судьбу...
И холодные капельки пота
Прожигают морщины на лбу.

ПАМЯТЬ

В прозрачную прорву залива
Скатилось неслышно светило.
Подкрасило воду, искрясь,
С минувшим наладило связь.
И день, уходящий в преданья,
Как будто шепнул: до свиданья.
Не страшно уснуть до утра,
Счастливо приспела пора,
Где звуки и ясны, и гулки
В единственном том переулке –
От кромки залива до леса,
Чьи кроны – тумана завеса.
В тумане живом поплыву,
А в нём мне тепло, и удобно.
И память свою призову,
Чтоб вспомнить былое подробно.

ВОЕННАЯ ГОСПИТАЛЬ

1. Взрыв

Какие недруги? – Не ведаю:
В земной обители
Случайно, вдруг меня,
как цель, увидели.
Осколком скальным
так ударило под дых, —
аж до сих пор захватывает
Дух...
Но эскулапы потрудились
хорошо,
И сам я сдюжил, и поехало-
пошлó:
Я связи с миром заново
связал,
А то, что высказать не мог, —
Сказал.

май 1980

2. Ропот

И всё, что знал и знаю,
Всегда живёт во мне –
Простора даль резная
И звёзды в тишине.
И праздники и мука,
Молчание и речь,
И долгая разлука,
И час короткий встреч.
Конечно, не исчезнут,
Не сгинут в никуда,
Не могут бесполезно
Пройти мои года.
Не может трудный опыт
Растаять в тишине...
И возраженья ропот
Рождается во мне.

3. Реанимация

Мечты, быть может, сбудутся,
Но хоровод иллюзий
Надолго позабудется,
Как слово до контузий.
И праздничным событием
Предстанет в час сомнений –
В пристанище обыденном
Тревожных сновидений.

4. Свеча

Лунным светом – оловом молчанья
Залита весенняя трава.
Елей еле слышные качанья.
Сосен – полушёпотом – слова.

Потеряли звуки очертанья.
Только голос внутренний кричит,
Наблюдая смертные метанья
Пламени истаявшей свечи.

ИЗ ГОСПИТАЛЬНОЙ ПАМЯТИ

I

Этот путь обозначен в бреду –
Там, где долгие боли терпел:
Вновь лесною чащобой бреду,
Пробиваюсь к звериной тропе.
Я упрямо тропинку торю,
Утопая в глубоком снегу,
От мучительной жажды горю
И её утолить не могу.
А при солнце слезятся глаза,
Заслоняюсь ладонью, смотрю...

Горизонт здесь увидеть нельзя,
В госпитальном раю...

2

Хорошо б возродить снова память,
И судьбу свою переупрямить,
Полюбить белоснежное поле листа.
День наполнить рождением мысли.
Одолев госпитальные числа,
Отомкнуть я сумею уста
Для весомого доброго слова,
Обращённого в прошлые дни.
Там в молчанье рождалась основа
Бытия, но закат подменяли огни
Госпитального тихого парка.
Здесь в мороз было больно и жарко –
Слишком резко, внезапно и ярко
По ночам загорались они.

3

Полночный соловей – весёлая пичуга.
Его рулады – праздник и причуда.
А настоящие мгновения– строги,
Готовят мир к явлению строки
Цветной окраски утреннего склада,
Где боль сама– не прихоть и преграда,
А спутница бессонного труда.
Она не ведает, естественно, стыда,
Мешает наново творить воздел
Ночного мира, всей земной округи,
Где слышатся неведомые звуки,
Стирая память госпитальных дел,
В которых выжить, кажется, сумел.

ГОСПИТАЛЬ

Отныне день любой – прощание земли.
Здесь даже сон – из тайников кощунства.
Заката ледяные тени пролегли –
От забытья до призраков искусства.
Звук колокольни – поминальный звон,
Тень дерева – часов увечных стрелка.
А память дня, стремящегося вон,
Как смытая со стен домов побелка.
Тревожный свет, рождая сонм теней,
Ещё ласкает глаз моих сетчатку,
Но на востоке лес уже – темней,
А площадь вяжет из теней перчатку.
Дух воровской рождает страх и боль,
И двери – на засов, и тишина в квартире.
А домовой, взлетев на антресоль,
Грустит, что мало бедокурил в мире.
Здесь тайны сумрачных лесов
Не стали явью, обнажив гнездовья.
Самой земле – не до земных красот,
Не до снегов, не до утех зимовья –
Последний день.
Но, заглушая боль,
Помыслить не могу о пораженье –
Минувшего глотаю алкоголь,
И верю и не верю в возрожденье.

ИЗ НИОТКУДА В НИКУДА

Время рвется на части.
Я их склеить берусь:
Удалось – это счастье,
Неудача – и пусть.
Проявление чуда –
Пробужденья страда...
Я пришел Ниоткуда,
И уйду в Никуда.

ЖИВАЯ ПОРОСЛЬ

Я уйду туда, где порознь
Не бывают даль и близь,
А небес живая поросль
На земле продляет жизнь.
Здесь готовится призванье –
Достигать своих вершин,
Где возможно осознанье
Бесконечности души.

НА СТРАЖЕ

Ощущенье тревожного гула.
А в реалии – ночь, тишина.
Чую – тайные козни разгула
Замышляет хмельная весна.
К ней и ветер спешит на подмогу,
Ведь не зря же он силы копил –
На разбитую вышел дорогу,
Первым ливнем её одарил...
С тёплым днём не забуду разлуку,
И задумаюсь снова о том,
Как осилить бессонную скуку? –
Перебить алкогольным глотком,
Вновь позволить себе эту слабость
И припомнить защитную речь –
Обрести долгожданную радость:
Боль заране в ночи подстеречь.

ЗАПЛАТКА

Сомненье и прежде бывало,
И душу терзало мою –
Оно приходило обвалом,
Пока я стоял на краю
Всей жизни, подаренной небом
В преддверии странной войны,
Ущербной любви на потребу,
Своей не познавшей вины.
Вины между скорбью и словом –
В сумятице будничных дел,
Умело упрятанных стоном,
Латавшим утраты пробел.

СВОИ ПРАВА

Тень проклятия не в силах
Навсегда изгнать меня
Из полей необозримых
В час закатного огня.
И не может утром ранним,
Или днём, когда парит,
Где я был случайно ранен,
Хорошо, что не убит.
Не убит и – слава Богу,
Остальное – трын-трава.
Скоро выйду на дорогу,
Обрету свои права
На рассветы и закаты,
На весёлый жар в крови,
Чтоб легко и виновато
Погрузиться в мир любви.

УРОК

Накопилась усталость,
Наблюдая огни.
Сколько жизни осталось,
Не подскажут они.
Не имеет значенья,
Мал, велик этот срок,
Продолжается чтенья
Прекрасный урок.
Не отобрано право
На ночные труды,
Что весной исправно
Мне приносят плоды
В виде лопнувших почек
Листьев, рвущихся прочь,
В форме искренних строчек,
Продлевающих ночь.
Чтоб в её круговерти,
Чуя крови броски,
Не помыслить о смерти
От грешной тоски.

ОТТИСК СУДЬБЫ

Берег. Ветер. У причала –
Утренняя стынь.
В сотый раз начну сначала –
Погрызу полынь
И смешаю с каплей крови
Треснувшей губы,
Чтоб явился точным в слове
Смысл моей судьбы.

ГОСПИТАЛЬНАЯ ВЕСНА

Заплутала весна, запоздала,
Но успела душа отдохнуть.
Толчею не приемлю вокзала –
Без меня поезд тронется в путь.
Я живу, не теряя сознания,
Слышу сердцем, не верю уму...
Покоряю в душе расстоянья,
Чтобы в тягость не быть никому.

ЧЕРЕДОЙ НОЧНОЙ

Чередой живой идут бессонницы,
За верстой – ещё верста.
Им и счёт ведут, бессовестным,
Грешные уста.

Сновиденья снова не приручены,
Не проведаны ручьи
В том районе, где давно озвучены
Таинства в ночи?

Устремленья будущему преданны,
Не предчувствуют конца.
Все черты мной хорошо изведаны
Милого лица...

Но стучат легко в стекло оконное
Елей молодых верхи –
За туманной дымкой плотную
Спрятаны грехи.

ОТДЕЛЕНИЕ РЕАНИМАЦИИ.
МАЙ 1980

1

Ни сочувствия, ни внимания
Я не ждал, эти строки сложив.
Не изведав потерю сознания,
Осознал, что и ныне я жив.
И тревожный рассвет принимая,
Порождённый закатным огнём,
Это время тревожного мая
Называю спасительным днём.

2

На подоконник приплыла
В ночи невидимая птица...
Ни подойти, ни подивиться,
Ни разглядеть её крыла.
А на рассвете – тишина.
И тайны белая страница,
Неотделимая от сна.

3

У изголовья птица пролетела.
Душа в ответ откликнулась –
 запела,
Вернулась обострённость чувств.
И то, что изжитым казалось,
Живым и светлым оказалось –
И обнажился смысл искусств.

4

Боль – как боль. Пустяк, томленье
Исстрадавшейся души.
Время – шить стихотворенье,
Сгинув в логове тиши.
И, призвав на помощь память,
Лист заполнить не спеша
Неизвестными стихами –
Чем живёт теперь душа.
Чтоб по-новому заметить:
Бог сомнения отторг,
И пораньше, на рассвете,
Подарил земной восторг.

ОТДЕЛЕНИЕ СРОЧНОЙ ХИРУРГИИ

БЕЗ УКОРА

Когда подступит немощность к тебе,
Просить о помощи не нужно,
Не нужно посылать укор судьбе,
Житейским вольностям недужным.
Уже заужен круг твоих друзей,
Молитвы вспоминаю из молебна,
Приходят мысли – трезвого трезвей,
И не мешает думать запах хлебный...
Забыв остаток мелочных обид,
Витает птица в небе звёздном
Её весёлый и нарядный вид
Сумятицу рождает.

Поздно.

Грядёт заря последнего свиданья.
Прими её и не кори себя...
Не снизойди до самооправданья,
Мир покидая, и о нём скорбя.

1980, 2011

БОЛЬ

Алексею Бровкину

Палату медсанбата
Заполонила боль
Безногого солдата
Со стрижкой под ноль.
А близко от порога
На стёршемся крыльце –
Хирург с глазами Бога
И скорбью на лице.

ПТИЦА-СЕРДЦЕ

Трепещет тряпица
И бьётся о ветку –
Беспечная птица,
Попавшая в сетку.

И мечутся снеги
Весенней метели,
Терзая побег
Живой иммортели...

Ударится дверца,
Всплкнёт половица –
И падает сердце,
Как сбитая птица.

УЩЕРБНОЕ СЕРДЦЕБИЕНЬЕ

Пусть ущербное сердцебиенье
Перебоями жизни грозит,
Снова взгляд обращаю в зенит,
И стяжает душа вдохновенье.
Сердце знает: житейские сроки
Мне, как прочим, безмолвье сулят.
Небесами диктуются строки –
Почивать по ночам не велят.

МЫСЛЬ УХОДА

Бреду по полю, заглушаю боли,
Накопленные памятью моей.
Вопросом мучаюсь: доколе
Терпеть и подчиняться ей?
Доколе сторониться мысли
О неизбежной гибели в конце,
Когда замрут слова и числа,
Застынет маска смерти на лице?

ПРОДОЛЖЕННАЯ ЖИЗНЬ

*Хирургам отделения сосудистой
хирургии госпиталя им. Вишневского*

И, наконец, ушло души ожесточение,
Максимализм, присущий молодым.
Едва утишилось реки речение –
Понятней стала мысль беды.
А мусор дней, пустые увлечения
Собравшись вместе, канули на дно.
И подступила эра вдохновения –
И мне ей благодарным быть дано.

Здесь неуместны рвения и мщения,
Когда все боли в сердце собрались,
И зародился холодок сомнения –
Нужна ли мне продолженная жизнь?

ОТДЕЛЕНИЕ ХИРУРГИИ

Дождь прошумел.
Но долго ещё капли,
скатившись с листьев,
устремлялись вниз.
Я слушал звон,
не понимая мерность
соударений капель и земли.
И хаос этого явления
тревожил, прогоняя сон.
Вдруг – перестук колёс на перегоне,
где поезд, не снижая скорость,
летит и, соблюдая мерность
перестуков при одоление стыков,
рождает звук, подобный
метроному.
Но поезд – скорый,
И полёт – недолог.
А капли с веток – реже, реже.
Я начинаю внутренний отсчёт –
отсчёт событий, дат,
потерь, находок,
надеясь сон приворожить.
Но снова – тишина.
А новый дождь – нескоро,

И поезд – далеко.
Песок – в глазах.
И боль приходит.

1980

ПАМЯТИ САШИ АБДУЛОВА

Ангел с облака часом полночным
Подарил мне нежданный покой,
Объявившись виденьем непрочным
Под безбрежной небесной рекой.
Этот ангел с безгрешной виною
Посетил госпитальный простор,
Покружил над растерянным мною
И в ночной улетел коридор.
А ко мне возвратилось сознание –
Каждый вдох стал и сладок, и тих,
Благодарное слово признанья
Зародилось как будущий стих...
Стих родился лишь осенью поздней,
Когда мёрзлой листвою шурша,
Я рябины распробовал гроздь,
И от спячки очнулась душа.

2-3 января 2008

ТАЕТ СНЕГ

Я слышу: тает снег,
И дождь стучит по крыше.
А рядом стонет человек,
И этот стон я слышу.
И чую – кровь течёт
По хрупким венам.
А дней моих – наперечёт –
Прощу изменам.
И прозябающим друзьям
Прощу проделки.
Их не прощать уже – нельзя:
Ошибки – мелки.
Я слышу – солнышко встаёт,
В тиши восходит,
И длится птичий перелёт,
И жизнь – уходит.

ИСПОЛАТЬ, ДОКТОРА!

*Персоналу Главного военного
госпиталя имени Н. Бурденко*

Исполать, доктора!
Вам поклон до земли,
Что не умер вчера
От шести до семи.
От утра до утра
Свои боли терпел.
Перешив, что –пора,
Тихо Лазаря пел.
Но сестрица одна
Не поверила мне.
Говорила она:
«Нынче время – весне».
«За работу пора», –
Эскулап мой ворчал
И меня врачевал,
Как другого – вчера...

Докторам – Исполать!
Им поклон до земли:
Жизнь с начала начать
Мне они помогли.

ФОНАРЬ В ГОСПИТАЛЬНОМ ЛЕСУ

1

В тиши госпитального парка
Струится загадочный свет,
И в нём заключённый секрет,
Как скрытая форма подарка
Болящим в бессонной ночи,
Прикованным к жёсткому ложу.
Вот здесь приглушённо кричит
Боец, что от сна отгорожен.
И в этой стерильной глуши
Ему и откроется тайна.
Как выдержав муку тиши,
Живым обернуться случайно.

2

День ли, ночь – но фонарь всё горит.
И привык я к нему понемногу,
Он, надеюсь, подскажет дорогу,
Когда рана моя отболит.

Свет и тень – равномерно в окне,
Ночь свои отмеряет минуты.
И за что-то дарует их мне –
Как, возможно, другому кому-то.

ДОМ НА ХОЛМЕ

Памяти Вл. Соколова

Всё то же окно,
И пейзаж за окошком –
Всё тот же.
С утра – веселей,
А под вечер – построже.
Всё те же деревья
И дом на холме:
На солнце хорош он,
Неплох – в полутьме.
Всю ночь напролёт
Горит огонёк,
А кто зажигает его –
Невдомёк.
Едва залечу
Свои раны-ушибы,
Приду в этот дом
И скажу я: – Спасибо!
Спасибо, скажу,
И домой возвернусь.
...Вот заново только
Ходить научусь.

ЛУНЫ КАРАВАЙ

Огромна, кудлата, игрива,
Похожа на гриву залива
Вдоль кромки полночных небес –
Гряда облаков.
Хмурый лес,
Величье, и силу, и тайну храня,
Вобрал всё тепло и величие дня...
А шорохи листьев – едва уловимы.
И ветер сквозь сети созвездия – мимо.
Едва только струны задел проводов,
Послышался шорох ночных облаков,
Похожих на пышную гриву залива.
А грива – огромна, кудлата, пытлива –
Являет луны каравай и созвездия соль,
Чтоб рана закрылась, утишилась боль.

В ИПОСТАСИ ПОСМЕРТНОЙ

Загадочный тающий свет
Сочится из зимнего леса.
И в нём заключённый секрет
Рождает восторг интереса.
Как прежде, на тысячу вёрст
Здесь царствует эра затишья,
Немое мерцание звёзд
Нисколько не кажется лишним:
Легко укрепляется связь
Меж светом, сплотившим деревья,
И небом, живущим искрясь,
Напомнившим тайну поверья,
В котором, надеждой дыша,
Мечта укреплялась конкретно –
Чтоб жизни просила душа
В своей ипостаси посмертной.

ПРЕДЕЛ

Мне важно знать теперь –
Не завтра, не потом:
Конечна ль боль потерь,
Мой разрушавших дом?
Мне важно знать сейчас,
Пока глаза – в глаза,
Когда разлучит нас
Внезапная гроза.
Мне важно знать всегда
Своей судьбы предел,
Чтоб я – спустя года –
Его преодолел.

ПРЕОДОЛЕТЬ ПРЕДЕЛ

Не суетливость, не поспешность, –
Азарт погони за мечтой –
Постичь мифическую вечность,
Представить лик её святой.
И зная сил своих ущербность,
И арсенал убогих прав,
Надеюсь на святую щедрость,
Предел мечты своей поправ.

ВРЕМЯ НЕ ПРИСПЕЛО

Андрею Итполитову

Не случилась наша встреча, нет, –
А от боли сердце не запело:
Не получен на вопрос ответ,
Это значит – время не спело.
Видно снова небо не успело
Звёзды так расставить по уму,
Чтоб душа участливо запела,
Чтобы не пропасть по одному...
Встреча не случилась. Что за дело?
Боль пусть подступает наяву:
Ты – живой и я пока живу –
Просто наше время не спело.

ПРИЛИВ

Ещё отступят холода,
Тепло вернётся.
Откроется легко вода,
Волна очнётся.
И, набегая на мысок
Косы прибрежной,
Слегка заденет мой висок
Ладонью снежной.
И улетят остатки сна,
И боль очнётся,
И заберёт её волна,
Но вновь вернётся.

НАД ПРОПАСТЬЮ

Стою над пропастью, и – замирает дух.
Иду по кромке – закаляю волю.
И вижу: там, внизу, стоит пастух,
А стадо вольно разбрелось по полю.
Отсюда хорошо видна река –
Впитали воды олово заката.
Плывут окраски той же облака
По воле ветра – влажного – куда-то.
О, Боже мой, как дышится легко!
А на душе и тихо, и тревожно:
Отсюда до небес – недалеко,
И возвращение ещё возможно.

МЫСЛЬ ОБ УХОДЕ

Мысль об уходе – сладость униженья.
Со свистом хлыст кручу над головой, –
Спешу забыться в ауре движенья,
Встречая ветра натиск верстовой.
Гоню коня – не тороплю мгновенья,
Уже дороги плотный наст изрыт...
Конечны бесконечные круженья,
Убитый снег летит из-под копыт.

НАД ЖИЗНЬЮ

И вот теперь, на склоне лет
Взгляд устремляется назад,
Припоминается рассвет,
Где пробуждался летний сад
При выпаденье белых рос,
Приславших мысль саму.
И сам собой возник вопрос –
Единственный – а почему?
А почему я здесь стою?
Сад шелестит, я узнаю слова,
Которые родились на краю
Той бездны, и куда едва
Я не шагнул, и только лёд
Дыханья удержал меня,
В безмолвье отдалил полёт,
Которое кричит, маня.

ЖИЗНЬ-ПОДАРОК

Летний сон ночного сада.
Птиц не слышно. Ветер смолк.
Никуда спешить не надо.
И, конечно, нужен толк,
Чтобы в прошлом разобраться,
Посмотреть в грядущий день,
До причины докопаться,
Почему мне жить – не лень.
Почему мне нужно очень
Встретить огненный рассвет,
Когда солнце вновь захочет
Проливать на землю свет?
Почему мне спозаранку
В радость по воду идти,
Наблюдать листья изнанку,
Встретив рощу на пути?
Эта жизнь – сама подарок,
Бог-то видит, что – к чему
И всегда вручает даром
Жизнь – конкретно –
Каж-до-му.

ОПЫТ

А опыт, накопленный прежде,
Дарует лукаво надежду,
Что с прошлым расстаться смогу.
Но боли мои и потери,
Как хищные хитрые звери,
Как прежде, – в пути стерегут.

РИСК

Хотя метель была бела,
Но зренье – застила:
А жизнь не начерно прошла,
А сразу – на́бело,
И то, что было, – замело,
И – без подробностей.
Былая боль была живой
И, видно, надобной,
Явилась дикою травой,
А – не усадебной.
И то, что выжил и живу –
Теперь – в диковинку,
В бой ввязывался наяву,
Где быть – рискованно.
Так, видя паровозный дым
Вблизи, у переезда
Перебегал к друзьям своим
За миг до смертной бездны.

ТИХАЯ НОЧЬ

Эта ночь позабудет себя
В бесконечном потоке ночей.
Слишком прост её дождь,
И неярки огни, и
бесхитростен
Ветер.
Эта юная ночь
Не оставит следа
в календарном
потоке событий:
нет событий и – памяти нет.
Только мерность минут,
Только странный покой,
Нисходящий с небес,
Может душу мою потревожить.
Очень тихая ночь,
дождь идёт – бесконечный и лёгкий.
Фонари.
Ровный свет.
Тишина...
И не знает никто,
Что на завтра
Намечено утро

С приметами новой тревоги.
Сон – приходит,
Ускользает сознание,
Тихо теплится жизнь.

УМИРАТЬ – НЕЛЬЗЯ

А этот день, как день земного рая –
Ни туч, ни облаков, ни ветерка.
И буйство света, тени простирая,
Ладонь ласкает каждого листка.
Потоки, переполненные зноем,
Возносят жаворонка к небесам.
А песнь его – явление неземное –
Созвучно приземлённым голосам...
Пока жнивье от скошенных хлебов
Ещё живёт закончившейся жатвой,
И снова травы в обществе цветов
Сознание легко дурманят. Жарко!
А ток воды почти неразличим,
Слепит глаза неукротимым светом.
И никаких нет видимых причин
Быть недовольным этим белым светом.
А вечер вновь на утренник похож:
Всё тот же зной, и те же краски лета,
Пронзает облака́ заката нож,
Чтоб не мешались в чистый час рассвета...
Последний луч, меж облаков скользя,
Верхушки сосен нежно освещает.
Вдруг понимаешь: умирать – нельзя!
И дальний гром об этом же вещает.

ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

1

А в конце недели
После трудных дней
Рукава метели
Скрыли свет огней.
Спрятали сознание
В сны небытия –
Возродив признание
Пользы питья.
Ветры преуспели –
Захватили власть,
Псы ночной метели
Погуляли всласть.
Замело дороги,
Поле, лес, дома...
Побыла недолго
Бывшая зима.
И снегов летящих
Испарился лик
С правом уходящих
На последний крик.

2

Снова облачность сплошная
Скрыла звёзды и луну.
Я, сценарий сна не зная,
Чутко чую тишину.
И, вдыхая терпкий воздух
Сосен, елей и воды,
Понимаю поздний отдых,
Как отсрочку от беды.
И, предвиденьем владея,
Я тревожный сон гоню,
И творю простое дело—
Предаю его огню.
И, в костёр бросая ветви
Солнцем выжженной сосны,
Отгоняю призрак смерти,
Скрытый в дебрях тишины.
Догорит костёр, как прежде,
Как в счастливые года,
И подарит свет надежды
Без сомненья и стыда.

ИТОГИ

За года, что прожиты,
Только строки нажиты.
Те, что в строфы сложены, –
Не сгорели заживо:
Правнукам – завещаны,
Времени – подарены,
И любимой женщине –
Барыне-сударыне.
И друзьям-товарищам,
Судьбы чьи изломаны...

В Вечность – не пора ещё –
Кони не подкованы.

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ

1

И вот он – предел. Я все одолел расстоянья.
Оставил в минувшем огни расставанья.
Прошёл перегоны, разъезды, маршруты.
Запомнив осенней поры увяданье,
Где первому снегу назначил свиданье,
Остались до встречи мгновенья – минуты.

Последние листья. Последняя слякоть,
Зачем их хранит бессердечная память?
Зачем все подробности глупые эти
В минуты последнего в жизни прощанья,
Когда растворились в ночи обещанья –
Дожить, дотерпеть до грядущего лета?

И вот, ожиданье оставив в минувшем,
Я в путь устремился за светом бегущим,
И вдруг обнаружил живьём, наяву:
Пока воплощал я мечту о побеге,
Увидел: летят обновлённые снега –
Поверил в дожди – и до них доживу.

2. Таял снег

Продиктовано ночью, услышано мною –
Это было в апреле, холодной весной:
Запоздалой весной долгой ночью бессонной
Таял снег, дождик шёл по наклонной
И сомненье рождал – доживём ли до мая?
Доживём, я поверил, – угрозы ломая,
Доживём, если вспомним ночные уменя –
Слёзы слизывать с губ, не стесняясь смятенья.

1980, 2010

3

В последний час, в последний миг неволи –
Зависимости от привычной боли –
Вдруг трепет ощутил. Не зная, – почему.
Я столько дней терпел, познал приметы
То возрастания, то ущемленья света,
Который жить мешал мне одному.
И вот настал он, миг освобожденья
(Ответ за все часы долготерпенья) –
Боль отпустила. Боже! Больше нет её!
Но что же делать? Как же дальше жить?
Возможно ль, возвратившись, полюбить,
Узнав: без боли возродилось житиё.

ЖАЖДА БЫТИЯ

Ещё не все упали строчки
На поле чистого листа.
Берёз и лип набухли почки –
Вот-вот проклюнется листва.
Но воздух терпкий и пьянящий
Так нежно голову кружит.
И голубь, в небесах парящий,
Заставил посмотреть в зенит.
Там солнце горячо и ярко
Слепит глаза, и потому
Мне видится уже двойко
Пейзаж, представленный уму.
По-новому открылось небо,
Деревья, дальние суда.
Я никогда чужим здесь не был,
Своим останусь навсегда.
Реки Строгинская излука
Здесь открывается для всех,
Даруются любовь и мука,
И поражение, и успех.
В единстве и противоборстве
Бунтует жажда бытия,
И потому с таким упорством
За эту жизнь цепляюсь я.

ПРОЩАНИЕ

1

Не в праздности,
А с праздником в душе,
Изведавшей остуду в час похмелья,
Живу на поднебесном этаже,
Но слышу шорох подземелья.
Готовлюсь незаметно, налегке,
Земные сбросив оболочки,–
Транзитом – через поле вдалеке –
Отправиться легко, без проволочки
Туда, где обрести хочу покой,
Которого порой не доставало,
Где Млечный Путь окажется рекой,
Не знающей забавы ледостава.

2

Вечерние я слышу небеса,
Сверяю с тем, что лично знаю –
Мне помогают птичьи голоса,
И полоса закатная, сквозная.

Не отрекаюсь от земных утех,
Земную силу чую притяженья.
А сновиденье для меня – успех
В тяжёлом празднике служенья
Капризной музе с именем родным,
Дарующей порою вдохновенье...
Живу её влияньем неземным,
Толпы не замечаю противленья.

3. Спозаранок

Прожитого снится повесть,
И на убыль ночь спешит,
Но живёт тревожно совесть,
Не лениться мне велит.
Заставляет спозаранок
Совершать земной обход,
Наводить везде порядок,
Обеспечивать восход
Раскалённого светила,
Тучам – воли не давать,
Израсходовать все силы,
Чтоб не в силах – умирать.

4. Жизнь-лошадка

Как сложилось, – так сложилось:
Удалось, не удалось...
Это – божеская милость:
Жить и долго, и всерьёз
И не знать, что завтра будет.
Но – фантазия строга:
После праздников и будней –
Стихотворная строка.
Вот и – смысл.
И веский довод –
Оставляя вину за мной...
Жизнь-лошадка чует повод,
Смерть обходит стороной.

МАТЕРЬ-ПРИРОДА

Случится такое – устану
От долгой дороги домой, –
Усну, как умру.
Но – восстану,
Припомнив, что было со мной.
Дела переделаю спóро,
За важное дело примусь:
Строку отучать от позора
Плодить бесконечную грусть.
Всю душу свою перестрою
На новый лирический строй, –
Веселую эру открою,
Где боль исцеляют игрой
То солнечных бликов на море,
То лунного света во мгле,
Где Мать-природа – подспорье
В заботах любых на земле.

ВМЕСТО ЗАКЛИНАНИЯ

Стремительно летит наискосок
Отважный свет ночной на стены.
А кровь стучит, стучит в висок,
Вся – ожиданье перемены.
Вся – в ожиданье,
Вся – завет:
Пусть в смене
Льда и пламени
Не смолкнет сердце,
Не уснет дыхание!
И нежности пора
Вперед – на много лет
Прольет спасенья
Чистый свет.
Он далеко продлится –
Не израсходовав себя,
В бреду и наяву.
Жизнь эту возлюбя,
Я и во сне – живу.

ЖИВАЯ РЕЧЬ

Я перед прошлым виноват
Не больше, чем другие.
Не страшно посмотреть назад,
Увидеть дни нагими –
Без прикрывающих словес
И ссылок на погоду,
А с высоты немых небес
Грядущему в угоду.
Труднее посмотреть вперёд –
Где горизонт подвижен,
А светлых дней – наперечёт:
Ничем их не унижу.
И потому смогу сберечь
Запас предельный воли,
Чтоб понимать живую речь
На грани сна и боли.

ВЕТЕР

Эта мысль прилетела впридачу
К прежней мысли из прошлого века.
Это, видимо, ветер удачи
Помогает явлению света.
То, что прежде случалось когда-то,
Вновь вернулось, как новое нечто
В тёплый час молодого заката,
Обещавшего утро беспечно.

НИ КАПЛИ ГНЕВА

*Сегодня есть резон –
Не причиняя порчи,
Не прячась за слезой,
Увидеть путь короче
До истинной любви
До праведного неба,
Услышав ток крови –
Ни капли гнева.*

НИ КАПЛИ ГНЕВА

Живёт тревожный дух
Под звёздами – высоко.
Ему не важен слух,
Пока всё видит Око.
Чужой не нужен свет,
И полночь – не преграда.
Есть опыт многих лет,
Наитье, как награда.
То острое чутьё,
Что вечно означает:
Есть виденье своё,
Где доброта – начало.
И, значит, есть резон
Не причиняя порчи,
Не прячась за слезой,
Увидеть путь короче –
До истинной любви
До праведного неба,
Где слышен ток крови
Ни капли гнева.

ЧУДО

Ниспослан, не скован, активен
Невидимый знак ниоткуда.
Не ясно – насколько красив он,
Страшны ему стыд и остуда?
В своём устремленье наивен,
Иль действие явлено мудро?
Похож он на праздничный ливень,
Порой навещающий утро?
Не знаю, и знак мне неведом,
Но утро прекрасно и влажно.
И я в мир иной не уеду,
И это по-прежнему важно.
Здесь можно полночные строки,
Пришедшие вновь ниоткуда,
Принять как уступку пороку –
Умению чувствовать чудо:
Ловить в бесконечном просторе
Бесшумно летящие звуки –
Основу для неких историй,
С которыми был ты в разлуке.

ВОЗВРАЩЕНИЕ в 80-е

Обжигает ветер зимний,
И остылая листва
Шелестит неумоимо,
А понять нельзя слова.
Но, призвав воображенье
В одиночестве ночном,
Можно дальний звук сраженья
Услыхать в году ином...
Да, давно всё это было!
Но зачем в ночной глуши,
Слыша ветра голос стылый,
Снова память ворошить?
– Чтоб привыкнув к новой доле,
Новый день легко встречать
И на вызов новой боли
Ничего не отвечать.

2010

ОРНАМЕНТ

Строгий орнамент осеннего леса
Не привлекает к себе интереса...
Голые ветви, корявые сучья,
Мокнут лохмотья мишени паучьей.
Сон захолустья, припасы молчанья,
Елей высоких немые качанья.
Скудные краски, закат, как подачка,
Звери пропали – вселенская спячка.
Осень, как данность земной круговерти...
Это ль не признаки временной смерти?

ДЕВОЧКА-ДУША

Вырвется душа моя из клетки,
Полетит легко за облака.
Вдохновеньем сложенная крепко,
На земле останется строка.
Боже мой, какое откровенье:
Разве расставанье – навсегда?
Ведь когда-нибудь стихотворенье
Девочка найдёт через года.
И, возможно, след от вдохновенья,
Все преграды времени круша,
Ей поможет в нужные мгновенья,
И живой останется душа.

2005

ПЕРЕД ВЕЧНОСТЬЮ

Пейзаж распахнутых небес
Наполнен вечной тайной,
К ней – неизбывен интерес,
К её строке случайной.
Здесь одиночества причал –
У тихой чистой глади.
Она таит в себе печаль,
Как чистый лист в тетради.
Здесь отражаются в воде,
Дрожат, волнуясь, звёзды.
Они – попутчицы в судьбе,
Но проявились – поздно.
Уже ниспослана строка,
Намёк на обещанья,
Где нескончаема река
Последнего прощанья.
А одиночество дано,
Чтоб лицезреть воочью,
Как перед вечностью оно
Единым станет с ночью.

В ОБЪЯТИЯХ ОГНЯ

Мне хватает и силы, и воли
На отпущенном небом пути,
И достаточно памяти боли,
Чтобы память опять обрести,
Не страшась своего возвращенья
В отведённые Богом года,
Где отставлены были сомненья
Без сомнения и навсегда.
Где порой навещала остуда,
Где в живых пребывала родня,
Где я жил ожиданием чуда –
Воскрешенья в объятых огня.

ПОИСК

Терпенье, в самом деле, –
Упрек или урок?
Вот птицы: лето пели.
А сил собрали – впрок.
Терпенье, кроме шуток, –
Основа ль бытия?
И в суетности суток
Ищу ответы я.
Терпенье, право слово, –
Заслуга или грех?
Судьбы моей основа,
Печаль одна на всех.

ШЁПОТ

Шёпот, услышанный в шуме
Тёплого майского дня,
Снова меня надоумил
Праздник устроить огня.
Только закат растворится
В рясе ночных облаков,
Пламени яркая птица
Вырвется вновь из оков.

В небо вспорхнувшие искры,
Таинство тьмы осветив,
Время подарят для мысли,
Той, чей полночный мотив
Помнит о шёпоте в шуме
Тёплого майского дня,
Где меня Бог надоумил
Жить по закону огня.

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

1

Скрытый облик беды.
Длится час вдохновенья,
Свет приметной звезды
Поглощает сомненья.
Белый облак летит,
Белым лебедем мнится...
Мне ещё предстоит
В этот мир народиться.

2

Снег идёт,
себя не помнит,
округляет берега.
И являются в исподнем
сиротливые стога.
Вид меняется причала,
где теряются следы...
Можно жизнь начать сначала,
вновь изведать вкус беды.

СОМНЕНИЕ

Снеговой истончается наст –
Достоянье минувшей зимы.
Временной истощается пласт,
Словно данный когда-то взаймы.

Должником не хотелось бы слыть,
Потому и полночная грусть
Проявляет завидную прыть –
Раздирает сомнением грудь.

И бессонниц немая толпа
Незаметно приходит в ночи,
Отнимая запасы тепла
До утра не дожившей свечи.

СВЕТ

Что этот свет –

обычный свет луны?

Его природа – только отраженье?

Сподвижник он в эпоху тишины,
помощник при ночном движенье.

Что этот свет –

привычный свет костра?

Его природа – выброс напряжения?

Тепло, чтоб думу думать до утра,
и душу не склонив к самосожженью...

РАССВЕТ

Забрезжил робкий свет,
И умягчилась мгла.
И пролетевших лет
Вновь память ожила.
Её тревожный след
Позволил в тишине
Спокойно ждать рассвет,
Пробившийся вчерне.
Привычка многих лет –
Следить, как тает мгла,
И власть берёт рассвет,
Чтоб память ожила.

НОЧНОЙ ВЕТЕР

Ночь приходит глухая,
И снова я слышу,
Как о чём-то вздыхая,
Ветер шарит по крыше.
Ударяется в стёкла
И качает деревья,
И не ведает толком
Ни сна, ни доверья,
Ни сомнений, ни боли,
Но страстью налитан –
Всё гуляет по полю,
В пространстве открытом.
И, забыв о смиренье
Под сферой стоокой,
Порождает смятенье
В душе одинокой.

НАБЕЛО

Распахиваю настежь дверь,
Иду учиться грамоте.
Перед лицом былых потерь
Держу их крепко в памяти.
Известно, грамоте простой,
Где слово к слову движется.
Я там устроюсь на постой,
Чтоб написалась книжица,
Пока не ведаю – о чём,
Какой в ней будет фабула.
Я к дереву прижмусь плечом
И буду думать набело.
Я знаю: времени – в обрез
И не ленюсь поэтому,
А помощь снизойдёт с небес
Согласно сну поэтову.
И мысль живая – недолга,
Но правильно построена:
Лишь кажется: она строга, –
На нежный лад настроена.
Всегда – на добрые дела,
На помыслы правдивые,
На вечный бой добра и зла,
И сны непобедимые.

ТЕНЬ

Кого любил, теперь не полюблю,
И этой горечью наполнен.
Один я перед вечностью стою,
Живу лишь тем, что помню.
И, памяти листая календарь,
Назад легко отсчитывая даты,
Я зажигаю времени фонарь
И вижу всё, чем жил когда-то.
И с высоты сегодняшнего дня,
Минувшее оценивая строго,
Я вижу, что для прежнего меня
Подругой верною была дорога,
Отдохновеньем – радуга и дождь,
Попутчиком – свободный ветер.
А горечью – рябины летней горсть,
И сладостью – морошка на рассвете.

Там были и товарищи, друзья,
От них остались тени в поле.
И к жизни их вернуть нельзя –
Ни заклинаньем, ни возвратом боли...
Была мечта, как церковь на крови,
Чей дух – высок, а красота – сурова,

Мечта о той мучительной любви,
Когда молчание – понятней слова.
Но не сбылось. И говорю: люблю,
Самой любви возвышенной не зная...
Один я перед вечностью стою,
И беззащитна тень моя земная.

СВЕТ

Тропинка в лесу проступает едва.
Листва неразборчиво шепчет слова,
Здесь жизнью исконной издревле живёт глухомань.
Природною силой себя воссоздав,
Господствует море целебное трав –
И сердце врачует, и нежит сухую гортань.

Высокое небо, очнувшись от сна,
Дарует тепло – от светла до темна,
Роняя на землю от облака лёгкую тень.
А крест, хоть тяжёл, я обязан нести,
Коль взялся из строчек поэму сплести,–
Как ладят корзину и ставят умело плетень.

И путь мой к закату стремится уже,
А труд – не заметен, – вершится в душе.
И, вроде бы, толку в нём мало – ни хлеб, ни зерно.
Но строки рождаются, и, значит, есть прок:
Кому-то – надежда, кому-то – в урок,
Но, главное, всё-таки – свет, если в мире темно...

А время спешит и летит в никуда,
Пусть тихо струится живая вода,–

Дай, Бог, – никогда не иссякнет священный родник.
Пусть также спокойно живёт глухомань,
И чистые звуки являет неспешно гортань,
Пока не исчез я, и в мире ином не возник.

ОТВАГА

Хорошо бы нынче справа
Или слева – всё равно –
Мне увидеть, как исправно
Звёзды падают на дно
Чудо-озера, чья влага
И прозрачна, и чиста,
Где закончилась отвага
С ветки павшего листа.
Дай мне право думать справно,
Избежать слепой беды,
Принимая эту странность –
Гибель листьев и звезды.

СУДЬБА

Обучен детством созерцанию,
С заёмной болью – обручён,
И – быть готовым к состраданию
Самой природой обречён.
Свою судьбу легко приемлю –
Пока пути другого – нет,
И не мешаю слать на землю
Рассвету – чистый свет.

2010

ПРИЧАЛ

1

Прихожу я в минуты печали
Не куда-нибудь, – только сюда,
Где безлюдно всегда на причале,
Где неслышно вздыхает вода.
И луна – она выглянет вскоре –
Отразится дорожкой в реке
И невольно, теченью покорен,
Закачается плот налегке.
Вот он тычется в берег песчаный,
Бесконечная песня воды
Все былые уносит печали
И смывает земные следы.

2

Я иду по краю света,
Но за край – не захожу,
По хорошему совету
Чистым воздухом дышу.
Вижу: в полных три обхвата
Липа древняя стоит.
Со вчерашнего заката
Догорает, не горит.
Старичок сидит, не дремлет,
Трубкой пышет в небосвод...
Будто старец старцу внемлет:
Кто кого переживет...
А мальчишки у причала
Тянут лодку из воды.
Чайка громко прокричала –
Не накликала беды.

СОЛЬ ЗЕМЛИ

Пусть и распри – разной масти.
Я бегу от них, бегу,
Чтоб узнать иные страсти:
На некошеном лугу
Своевольно, безмятежно
Опрокинуться в траву,
Не страдая мыслью грешной,
Устремиться в синеву.
Там, границ не зная смерти,
Помня древние века,
По живой небесной тверди
Проплывают облака.
А едва себя набросит
Ночь на всю земную ширь,
Загорятся в небе росы,
Оживят собой пустырь,
Дом, дорогу, храм и речку –
Те, что выжить помогли...
И прозрачней станет вечность,
И понятней Соль Земли.

ВЕТЕР УДАЧИ

Прилетевший ветер с юга,
Полный запахов весны,
Постучался в дверь упруго
В час явления луны.
Подсказал строку-удачу
Для рожденья новых строк,
И к земным годам в придачу
Посулил небесный срок.

ПРИБЫТОК СИЛ

В час весенний, в час урочный
Южный ветер полуночный
Гонит лунную волну
На печальную страну –
На песчаный берег дикий,
Где неизвестные лики
Узнавали путь земной
От одной скалы к другой,
Зримо скованных дугой,
Не начертанной рукой,
А заселенной кустами
И замеченных тропой.
Там размашисто листает
Волны искренний прибой.
В этом ритме набеганий
В час весенний, в час свиданий
Неземной прибыток сил
Мир и свет соединил.

ШТОРМ

Как с цепи сорвался ветер.
Обезумел от тоски?
Ставни – с пётель,
Двери – с пётель,
Крылья кроны –
На куски.
Облака –
На клочья ваты,
В тополиный
Край лесов,
А полотнище
Заката –
На багрянец
Парусов.

СЛОВО-ПАМЯТЬ

Нет, сегодня быть не может
Возвращения бывшего –
Я предельно осторожен,
Жду единственного слова.
Слово-ветер, слово-камень? –
Сладу – нет, и нет ответа:
Народится слово-память,
Обновится лик рассвета.

ВЕЧНОСТЬ ПРОЛЕТАЕТ

Ветер ставни раскрывает,
Ветка трогает стекло.
Время ночи истекает,
Вот и вовсе истекло.
Не торопко, но – светает.
Боль расслышать не даёт:
То ли птичий перелёт,
То ли вечность пролетает?

СТУК В ОКНО

Не скрип шагов. Не властный стук в окно –
Терзает ветер крылья ставен.
Угомонись, пора уснуть давно
И переставить явь и сон местами.
А тень стоять устала за спиной,
Черновиков испещрены страницы.
Измучена душа неведомой виной
И хочет, и не может повиниться.

ВЫШЕ – ТОЛЬКО НЕБО

Вновь со мною – только ветер,
Ветер поутру́.
Он проветрит день и вечер,
Выдержит игру
Моего воображенья –
Призрака любви,
Растерявшей вдохновенье
И азарт в крови...
Пониманье и признание –
Снова впереди
Вместе с ясным осознаньем:
Холодно в груди.
И отныне, где б я ни был, –
Небо – высоко.
Надо мною – Бог и небо.
Больше – никого.

БРЕМЯ ПРИЧАЛА

Этот ветер да птицы –
Дыхание моря.
Это – парус страницы,
Не помнящий горя.
Это бремя причала:
Свидания, встречи...
Это время начала.
Рождение речи.

ВЕТЕР ЮНОСТИ

Пусть явь перевита предутренным сном.
Во сне – перестуки вагонов на стыках.
А в яви – деревья за мокрым окном,
Огнями внезапными путь их усыпан...
А поезд летит всё вперёд и вперёд,
Не зная сомнений, не ведая страху...
Вот дождь перестал, только ветер ревёт,
Мою – на груди – разрывая рубаху.

ВЕТЕР-НЕВЕЖДА

Верхушка берёзы над лесом сосновым –
Метёлка, которой лишь сор выметать,
Живёт ожиданием скорой обновы –
В листву нарядиться, листвой трепетать.
Сюда прилетит юный ветер-невежда
И будет кружить он, листву вороша...
Тогда-то и сбросит глухие одежды
Свои, сохранившая душу, душа.

ТЕНИ

Здесь легко под светом лунным
Тени длинные легли,
Стихли праздничные струны,
Затаился дух земли.
И не слышно крика, стопа
Из давно пропавших лет –
Я в открытый ковш ладоней
Собираю тихий свет –
Свет луны из тех столетий,
Где бывал в тревожном сне,
В поздний час порою летней
При игрушечной луне...
Перепутались столетья.
Кто я? Где? Не разберу –
Так похожи ночи, ветер,
Тени длинные в бору.

ЗАТИШЬЕ

Ночь, простор, тепло, затишье,
Чувство сладкое изгнанья.
Оказался вновь нелишним
Пробуждённый свет сознанья.
Время тает, ночь – на убыль,
И восток уже затеплен,
И спокойно и не грубо
Ветер листья вербы треплет.
Разговор продляют клёны,
И с весёлым шумом ели
Из своих ветвей зелёных
Сотворили цепь качелей.
Лес живёт своею жизнью,
Никого не отвергая,
И пруда живого призма
Отражает свет, мигая.
Я, сживаясь с этим лесом,
С этим прудом и тропую,
С неподдельным интересом
Оставляю за собою
Право быть необходимым
Для деревьев, неба, света.
А поздней – неразделимым
С благодатной сушей этой.

СТРОКИ О ВЕТРЕ

Памяти Марии Петровых

С каждым часом сильней и сильней
Дует ветер, покоя – не знает.
Только мёртвая хватка корней
Этой роще стоять помогает...
Низко гнутся деревья к земле,
Шумно мечутся кроны в испуге.
Но, лишь ветер утихнет во мгле,
Тишина воцарится в округе.
И людская исчезнет молва,
Улетит над уснувшей страной,
И останутся только слова,
Вдохновенной предстанут строкою.

ВЛАСТЬ НОЧИ

Едва мгновенья вечера растают
И ночь захватит временную власть –
Все звёзды по местам своим расставит,
И можно ветром надышаться всласть.
Колючий, мягкий, горький или сладкий –
С характером любым – любой хорош.
И даже тот, что в штормовом припадке
Ввергал мой дом в немыслимую дрожь...
Но только бы он не прервал дыханье,
Родится мысль – прозрачна и остра,
Подарит юных листьев колыханье
Берёзка – вдохновения сестра.
А, если дождь, переходящий в ливень,
С собою ветер пришлый принесёт,
Он всё равно покажется счастливым,
Здесь дни счастливые давно – наперечёт.
О, только б не казался он сторонним,
Пусть с ветром ураганным будет дождь,
Не спрячусь от него в краю укромном,
И плоть мою опять пронижет дрожь.

ЦЕЛЬ

Цель – высока.
И всё же – достижима.
Пытаясь это снова доказать,
К ней подступая, пролетаю мимо,
Чтоб восхожденье заново начать.
А воздух – чист,
Хотя и лес разрежен,
Шум ощущается в ушах,
Гуляет вольно ветер свежий,
Привыкший жить в горах.
Но дух – высок,
Выводит на дорогу
И заставляет устремляться вверх,
Чтоб оказаться ближе к Богу
И искупить безделья тяжкий грех.

НА ПЕРЕВАЛЕ

А ветер зря ради забавы
Терзал деревья и кусты:
Все помыслы мои чисты –
Не до презренья, не до славы.
Пусть прилетает ветер с моря
На тот далёкий перевал,
Где чистым воздухом нагорья
Я душу прежде врачевал.
Где, пережив озноб атаки,
Казалось, поступил хитро:
Случайно подобрал во мраке
Старинное гусиное перо.

ТВОРЧЕСТВО

Если ты понимаешь свой скромный талант,
Укрощать научившийся ветер и стужу,–
Ты, возможно, устроишь побег из палат,
Из стерильного мира – на волю, наружу –
К поездам, в привокзальную вязкую грязь,
В суету, толчею и в людскую разруху,
Где эпох нарушается хрупкая связь,
Если дева сживает со света старуху.
У тебя ж есть попытка прорваться в закат,
Распознать снова стоны весеннего ветра,
Где бывает и дождь, и громóвый раскат,
А потом – коромысло небесного спектра.

ПЕРВАЯ ВЬЮГА

Вот она, первая вьюга,
Скрывшая утренний свет,
Снеги приславшая с юга,
Выслушав ветра совет.
Высит и высит сугробы,
Тратит немало труда,
Силы безмерные, чтобы,
Осень ушла без следа.
В крайнем своём эпатаже
Мир изменяет легко.
Заново строит пейзажи,
Тратит снегов молоко.
Вымести хочет обиды,
Строит преграды в мороз,
Учит науке предвидеть
Натиск реальных угроз.

ДЫХАНЬЕ

Дмитрию Черневу

Поздний час принадлежит безмолвью.
В дебрях леса – осторожный сон.
А душа, испытанная болью,
Глубоко упрятала свой стон.
Но придёт и новое дыханье:
Воздуха вдыхаемый объём
Ощутить позволит колыханье
Запахов, пронзивших окоём.
Сердца учащённое биенье,
И волненья скрытые следы
Переселят давнее сомненье
Под приглядом утренней звезды,
И ночной эпохи откровенья
Жизнь продлить сумеют до утра,
И любые вспомнятся мгновенья,
Если память выметут ветра.

КОНЕЦ ЛИСТОПАДА

Последние листья
Предзимних лесов
Упали, как кисти
На звуки басов.

А низкие звуки
Из песни ветров –
Примета разлуки,
Где не было слов.

Всё сказано прежде
В полночной тиши,
Где призрак надежды
Скрывался в глуши.

А память о стуже
Пока не нужна –
Купается в луже
Беспечно луна.

МУЗЫКА ВЕТРА

Снова слышится музыка ветра –
Пролетает метель над игрой,
Вносит хаос в размеренность порта
И срывает суда с якорей.
И влечёт их в открытое море,
Не жалеет уставших людей –
Превышая разумные меры,
Совершает вселенский разбой.

Я – седой, неумелый помощник,
К созерцанию приучен в глуши
Там, где ночь – необузданный хищник –
Поглощает мои миражи,
Их скрывает в мелодии ночи,
Где витает снежинок поток...
Завершился подаренный вечер,
В мою память вернулся навек.

ВОСХИЩЕНИЕ

Пора условности отставить,
Поговорить начистоту,
И пересохшими устами
Небес восславить красоту.
Но перед тем увидеть небо,
Сначала утром, позже – днём,
Когда закату на потребу
Оно окрасится огнём.
Увидеть важно час общенья
Разновеликих облаков,
Их неземные превращенья
В сплошной ночной покров.
Когда все эти измененья
Увидят праздные глаза, –
Слов болевого восхищенья
Не высказать уже нельзя.

ЯД СТИХА

Жестокого зноя не зная,
Высокой стояла вода.
Ограды решетка резная
Покой охраняла пруда,
Пустыню песчаного пляжа,
Прохладу забытых аллей,
Мишень – паутинную пряжу,
Пробитую дланью ветвей.
Я этот покой не нарушу,
Живу ожиданием греха –
Пытаюсь наполнить всю душу
Живительным ядом стиха.

СНЕЖНЫЕ ДОРОГИ

Осенние туманны строки,
Их строй не выстрадан вполне,
А ветер вновь обил пороги,
Готовя праздник на волне
Реки, текущей полноводно
Вдоль живописных берегов –
Здесь тишина хранит свободно
Молчание богов.
Но осень выберет все сроки,
Придут ночные холода.
Давать морозные уроки
Взойдёт полярная звезда.
Снег упадёт неслышно в воду,
Потом устроит хоровод,
Призвав суровую погоду
Укрыть движенье вод.
И лягут снежные дороги
Вдоль молчаливых берегов.
Придут неведомые строки
По воле праведной богов,–
Тревожная родится песня...
И всем – от ночи до утра
Услышать будет интересно,
Как вторят ей ветра.

ЦИКАДЫ

А над полем зноя –
Душный звон цикад.
Облако резное
Держит путь в закат.
И летит, не тая,
В нежный окоём
Птиц высоких стая,
Исчезает в нём.
И порой нескорой
(Жизнь-то – хороша?)
Этой же дорогой
Пролетит душа,
Помня время зноя
Под оркестр цикад,
Прихватив земное
В тающий закат.

СТРАСТИ СЕНТЯБРЯ

Соблазны осени по-прежнему прекрасны,
Для вдохновения и сердца – не опасны:
Не может быть опасным листопад
В полях или в лесу, где благодущны звери,
И где звучат привычно птичьи трели
С такой же нежностью, как ублажали сад.
И ток реки здесь кажется прекрасным,
И волны здесь легки и не опасны,
А лёт листвы преобразает строгий вид
Открытого и чистого пространства,
Чьё ежечасно изменяется убранство,
Пока последний лист не отлетит.

КАПЛИ-РУБИНЫ

Поредела листва у рябины
И, как будто бы, стали красней
Загустелые капли-рубины
Полновесно созревших кистей.
Эти краски рябинной породы
Не мешают увидеть вдали,
Как неспешно плывут пароходы,
Удаляясь за кромку земли.

КОСТЁР

*...Берег письменного стола.
Океан за ним – тихий. Великий.
Илья Сельвинский*

Горит костёр, отбрасывая блики
На окружившие огонь стволы
Деревьев и больших, и невеликих,
Не знающих хулы или хвалы,
Сплошной встающие стеною,
Когда приходит поздняя пора,
И гневно поднимаются ветра,
Волну вздымая за волною...
И оживляют праздничные блики,
Пока полночный трудится костёр...
Его владенья – остров невеликий,
А тёплый свет до облаков простёр.

БАБЬЕ ЛЕТО

Размышленьям до рассвета
Не мешал вопрос:
Как надолго бабье лето
В волости берёз?

Вёдро держится умело.
Летнее тепло
Сберегает осень смело
Времени назло.

Но пейзаж иного толка
Принесёт зима,
И пробудет ровно столько,
Сколь решит сама.

Мы с её холодной властью
Справимся всегда,
Призывая с новой страстью
Юности года.

ПОЛУСТАНОК

Если время отправится вспять,
Я за ним устремляться не стану:
Не хочу возвращаться опять
На покинутый мной полустанок.

Не хочу провожать поезда
Долгим взглядом тревожного действия,
Где фонарь – как живая звезда,
Улетевшая с праздника детства.

ВДОХНОВЕНЬЕ

Эта ночь нам дана в утешенье,
Чтоб нарушив идиллию сна,
Продолжали своё прегрешенье,
Где причина бессонниц видна.
Эта ночь нам дана для забавы –
Для весёлой и страстной игры,
Где теряются призраки славы
В темноте полуночной поры –
Там, где звёзд молодое мерцанье
Помогает не светом – огнём,
Позволяющим длить созерцанье.
Вдохновеньем его назовём.

В КРУГЕ ПОЮЩИХ

Александрю Миронову

Живу в окруженье чудес
И слушаю чутко и строго –
По воле свободной небес
Земные рождаются строки.
Явлением этим влеком,
Жилья раздвигаю границы,
Вместительным делаю дом
Для бабочек, зверя и птицы.
Друзьям приглашение шлю,
Подряд – и здоровым, и хвóрым,–
Во здравие молча молитву пою,
Застолье вернув к разговорам.

А СТРОКИ ВИТАЮТ

Неспешно светает.
Молчанье таят заповедные трубы.
И тихие шелесты,
шорохи,
шёпот –
не тают,
на крик не сменяются грубый.
И слышен далёкий стремительный
топот копыт
неизвестного стада.
А строки – витают,
а ночь продолжает стремиться
на убыль.
И ветер сметает весь сор
запустелого сада.
Но день будет долгим
и жарким, и губы
искать будут влагу
янтарных плодов винограда,
и будут молчанье таить
заповедные трубы.
А строки – витают,
и мне уловить бы их надо.

ПРЕДЧУВСТВИЕ ЗИМЫ

Вадиму Рахманову

Последние ливни
На стылую землю упали.
И ветры утихли,
Минуты затишья настали.
Отжившие листья
Легли на усталую землю.
Спокойно и чисто.
Я голосу дальнему внемлю,
Я вижу и слышу,
Что снѣги уже на подлѣте.
А это затишье –
Прелюдия к трудной работе.
И славно, что снова
Избыты все прошлые беды...
И хочется слову
Безгрешного снега отведать.

ЗАХОЛУСТЬЕ

Заблудился в захолустье,
И на ощупь путь торю,
Вместе с собственной грустью
Жду осеннюю зарю.
Обступила плотно темень,
Поле чёрное молчит,
Уработанное теми,
Кто давно и сладко спит,
Погружённый в сновиденье,
На перинах возлежит,
Не тревожится в сомненье –
Кто же по полю кружит.
Кто, не зная захолустья,
Где луны нет и огня –
Утомлённый долгой грустью,
Бранью потчует коня?

ТЕНЬ ОГНЯ

Откровенья праздничной кручины
Укрепили с днём текущим связь.
Потому нет видимой причины –
Рисовать из слов тугую вязь.

Неуместно снова петь осанну
Ни закату, ни началу дня...
Исправляю дереву осанку –
Обрубаю сучья для огня.

Запалил высокое кострище,
И остатка дня исчезла лень.
Ничего наверно нету чище,
Чем огня мятущаяся тень.

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

1

Хорошо бы звук набатный
(Колокольцам он – родня)
Не смутил покой закатный
И не сбил с пути коня.
Хорошо бы голос зычный
Не нарушил сон полей,
Насаждая страх обычный
Перед натиском страстей.
Хорошо б звучал почаще
Колокольца нежный звук,
Пробуждая дом и чащу,
Умягчая смысл разлук.
Потому как в мире светлом,
Если жизнь спешит к концу,
С осознанием жёстким этим
Быть жестоким – не к лицу.

2

Колокольца звук беспечный
Потревожил сон полей,
И летит ко мне навстречу,
Полнозвучней, веселей.
Чувство праздника тревожит,
Как внезапный сноп огня.
И таинственен и сложен
Одичалый бег коня.
В неземном его движенье
Столько грации и сил, –
Их не видя, восхищенье
Я уже предвосхитил.
Встречу ждал не без опаски,
Научившись в мире жить...
Оказался конь прекрасней,
Чем я смог предположить.

ДОРОГА ОКРУЖНАЯ

1

Мой путь – окружная дорога,
Она не имеет конца.
Отправимся вдаль от порога,
Который – начало кольца:
Не видит охотник добычи,
Когда разгорелись костры...
А мысль прилетает по-птичьи,
Не ведая правил игры.
Тревожа своё окруженье,
Проходит отпущенный век,
Услышать его напряженье
Способен творец, человек.

2

Неизбежен лик печальный
Поздней эры октября
И приход поры начальной
Снега в свете фонаря.
О грядущем обещаю
Без оглядки раздаю.
Неизбежный час прощанья,
Как сумею, отдаю.
И прошу взамен немного –
Подарите дух огня:
Пролетев святой дорогой,
Он живым вернёт меня.

РАННИЙ СНЕГ

Пришёл октябрь, а снега нет,
В дороге – холода.
Приходит вовремя рассвет,
И плещется вода.
Течёт река, листва плывёт,
Опавшая листва.
Но скоро-скоро встанет лёд,
Не помнящий родства.
И воцарится белый свет
На сотни вёрст кругом,
И вóвремя придёт рассвет,
И мой разбудит дом.
И будет холодно, но вдруг
Почувствую тепло
Лишь оттого, что всё вокруг,
Кругом – белым-бело...

ПОЗДНЯЯ ЗИМА

Обманула злодейка-зима, не пришла
В отведённые климатом сроки,
Подарила остатки чужого тепла,
И на время свои отложила уроки.
Интересное время – конец ноября:
Бабье лето – прошло, а зима – не приспела.
Но известно – она задержалась не зря,
Ожиданьем жила настоящего дела.
И не важно – летит, иль отсутствует снег,
Солнце силу свою никогда не теряет,
По утрам ежедневно приходит рассвет –
Он заботы земли хорошо понимает.

ПРОБА ПЕРА

Надоедливого пуха –
Мухи, бьются о стекло.
Призываю силу духа –
Словом пробую стило.
И пока живу на свете,
Я своих не чую лет.
И, как прежде, на рассвете
Свой приветствую рассвет,
Будь он призрачен, иль светел.
Робкий свет – он тот же свет.
И летит по ветру пепел
От моих сгоревших лет.
И ложатся на бумагу
Строчки позднего литья,
Сохранившие отвагу,
Не вобравшие нитья...

ЗАМОРОЗКИ

*Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна...*

А. Пушкин

Над дорогой свет струится –
Чистым оловом полна,
К лесу дальнему стремится
Равнодушная луна.
Бесконечная дорога.
Вправо, влево посмотри –
Друг на друга смотрят строго
Мёртвым глазом фонари.
Тают поздние мгновенья,
В луже плавает звезда –
Не боится заточенья
Под слепую плёнку льда.

ВЫСОТА

Закат промыт, спокоен и раскрашен,
И только потому – совсем не страшен.
Здесь первые в году гуляли грозы.
Дождь прошумел, и с ним ушли угрозы.
Гром погромыхивает где-то вдалеке,
И вспышки молний множатся в реке
Всё реже, реже. И – совсем пропали.
А токи влажные с живой земли восстали,
И кружат голову и сладко, и легко,
И мысль стремится в небо высоко,
Где птицы дружно оглашают высоту,
Мою одолевают немоту.

ОБРЕСТИ ПОКОЙ

Я обрету обещанный покой.
Но – не теперь, немного погодя.
Когда я стану сам – рекой
Под музыку дождя.

И будут следовать года,
Сплошной, весёлой чередой,
Но временами пресная вода
Разбавится солёною водой.

ЗАПОВЕДНЫЕ ЛЕСА

Илье Клейнеру

Вдоль канала стоят горделиво
В разноцветном убранстве леса,
Наблюдают приливы-отливы,
Слышат птиц молодых голоса.
Как печальна пора увяданья
В заповедной, непраздной тиши!
Я хочу, чтобы память прощанья
Сохранилась в пределах души.
Эту память ничем не нарушу,
Потому что лесов красота
Вырывается светом наружу,
И листвы рассыпает цвета.
И, смешавшись с палитрой заката,
Насаждают вселенский покой,
С ним готов я исчезнуть куда-то,
Породнившись с небесной рекой.

ЛИКИ СОЛНЦА

Светить, и никаких гвоздей...

В. Маяковский

Немигающий свет фонаря,
Тень его на земле – недвижима.
Подступает пора января,
Та морозная эра ужимок,
Где, покоя не зная, метель
Снова в поле малюет гримасы,
Для себя выстилает постель,
Тратит снега – бездумно – припасы...
Но придёт и пора перемен,
Только нужно набраться терпенья,
И закончится время измен,
Время горечи, время сомненья,
Чтоб над гладью спокойной земли
В ореоле небесного донца
Безгранично и вольно смогли
Воссиять лики щедрого солнца.

С НОВОЙ СТРОКИ

Ночь простёрлась за порогом,
Тишиной пропитан путь.
Помечтаем о немногом –
Возле строчек отдохнуть.
Свет струится понемногу,
Неба скрыты берега,
Всю засыпали дорогу
Просвещённые снега.
И разлит покой безмерный,
Вспоминая старину...
Не мешает он вселенной
Возвращать доверье сну?
Сколько бы покой не длился, –
Время – тот же ток реки...
Хорошо бы сон приснился,
С новой двигаясь строки.

ПТИЦЫ НА СНЕГУ

За дорогою кружной –
Зимние пейзажи:
Дружно – ельники стеной,
Дальше – сосны-стражи.
Спят глубокие снега,
Нет тропы-дороги –
Невидимки-берега,
Скрытые пороги.
И – безлюдье без границ,
Лунный свет струится –
Различаю стаю птиц
На снегу страницы.

РОДСТВЕННЫЕ ДУШИ

Была метель. Какой была,
Понять могу теперь,
Когда оставила крыла
На берегу метель.
Иду слепящей целиной,
Смотрю из-под руки,
Припоминая, кто – со мной,
А кто – мои враги.
Прошел родимой стороной
И тяжесть снял с души –
Окрест не встретил ни одной
Неродственной души.

ЗИМОВЬЕ

На стене – теней переплетенье,
Отблески огня и свет луны.
И дыханья белое цветенье
Тает в атмосфере тишины.
Да, молчаньем полнится зимовье,
В печке разгораются дрова.
Крепкий дух таежного здоровья
Не приемлет бранные слова.
За окном полна поляна света.
Спит под снегом жухлая трава.
Не усну и подожду рассвета,
Чтобы день вступил в свои права.

МЕТЕЛЬ

Таинство не познано зимы:
В чём её младенчество и зрелость?
В небо устремляются дымы,
Облаков подпитывают смелость.
И летят, летят легко снега,
Похваляясь силой белой.
А луна – хозяйка ли, слуга –
Выглядит опять осиротелой:
Коротко посмотрит с высоты,
Спрячется за облачным покровом...
Проявленье этой красоты
Не опишешь бранным словом.
Здесь высокий нужен слог –
Из породы, близкой к снежной,
Чтоб ушёл метельный смог,
И открылся мир безбрежный.

СВЕТ СВЕЧЕЙ

На стекле ночном, морозном –
Солнца фонарей.
Те, что вечно, непреложно
Замысла старей.
И, покуда скукой выужной
Город был объят,
Он казался неуклюжим
Там, где люди спят.
Даже тем, кто сновиденьем
Лично обделён,
Записное провиденье
Обещает сон.
А пока бессонниц лихо
Зрит судьбу ночей,
Фонари сжигают тихо
Свет своих свечей.

МЫ – ПАМЯТЬ

Напряженье натруженных будней
Проникает в само бытие.
Жизнь тяжёлою долго пребудет, –
Мы ж – безгрешные дети её.

Каждый шаг наш опасен и труден,
Но сознание своё бережём.
Эту жизнь никогда не забудем,
Потому что мы – память её.

СЧАСТЬЕ – МИМО

Заплатки снега, как остатки сна:
Немного солнца, и они – растают.
Всё просто – на дворе весна
И птицы с юга прилетают.
И кажется – тревоги позади:
Ветра, сугробы, горести-напасти.
И лишь одна забота впереди –
Не растерять бы зёрна счастья.
Смешными эти кажутся слова.
(Бумага терпит, ветер – носит) –
На поле нашем – лишь полынь-трава,
Её давным-давно никто не косит.
А чай – с горчинкой, и – пресна еда,
И прошлое уже невозвратимо.
Обычная житейская беда:
Идут года, а счастье – мимо, мимо.

БЕЗГРЕШНЫЙ СВЕТ

Полночный ветер – невесом.
А я, молчанием теней обставлен,
Гоню один и тот же странный сон,
Где наглухо закрыты ставни.
А хочется увидеть лунный свет
И звезд безгрешные сиянья,
Чтобы исчез сомнений след,
И помнилась дорога покаянья.
И нынче, память не браня,
Свой крест невидимый несу:
Сомлев под натиском вранья,
Душа скрывается в лесу.

ПРЕДЗИМНЯЯ РЕКА

Душа бессонная – вольна.
Согласно настроенью,
Пускай несет меня волна
Куда-то по теченью.
Пока вода – не холодна,
И ветер – не преграда,
И вся река видна до дна –
Ни снега нет, ни града.
Еще неполная луна
Себя по небу тащит.
Там из небесного окна
Глазища Рак таращит.
Спокойно, вроде, и светло.
Пространство – необъятно,
Но время отдыха прошло,
И я плыву – обратно.

СВЕТ ДОМАШНЕГО ОГНЯ

Колокольцев звон беспечный
Потревожил сон полей,
И поднялся ветер встречный,
Чтобы стало веселей,
Чтоб, забыв о грусти светлой,
Редкий гость в краю степном,
Путь начавший на рассвете,
До звезды увидел дом.
Чтоб затепленные окна
И нарядное крыльцо
Сотворили праздник скромный,
Озарив теплом лицо,
Чтоб забылся звук набатный
И не сбил с пути коня,
И прокрался свет закатный
В плен домашнего огня.

БРЕННАЯ ДОЛЯ

Вот и тема мороза – не модна.
Веет ветер теплей и теплей,
Только память отныне пригодна
Для возврата былых февралей.
Я люблю эту строгую пору.
Если скована льдами река,
Разрешаются вечные споры –
Кто щедрее оденет стога:
День сегодняшний, или грядущий? –
Как попону, набросив снега...
Ближний стог, он же лидер бегущий,
Виртуально стремится в бега.
Я люблю вид заснеженный поля,
Хоть и свет отражённый слепит
И нельзя насмотреться без боли
На снега, или прямо в зенит.
Я люблю свою бренную долю
И раздолье её берегов –
И живу с этой мыслью простою,
И не чую домашних оков.

ВИТАЮ С ПТИЦЕЙ

Покой нам только снится...

А. Блок

Я знаю, что покой не обрету –
Покой мне только снится.
И не стреляю на лету
Взлетающую в небо птицу.

И с восхищением гляжу
На бесконечное паренье.
Я с птицей сходство нахожу,
Пока храню уединенье.

И влага стынет на губах,
А ветер треплет ноздри...
Витаю с птицей в облаках,
А выше – звёзды, звёзды.

ВЕТЕР

Среди долгой ночи
Снежной зимой
Слышу голос волчий,
Ветра сильный вой.

Замкнутым пожаром
Дышит зев печи,
И смолистым жаром
Гонит страх в ночи.

Яркие виденья,
Вымысла пора.
Прежнего сомненья
Новая игра.

Разговор ли волчий
Или ветра вой?
Просто голос ночи –
Вет-ро-вой.

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Порождённый жарой суховой
Листья сжёг.
Как примета прощанья –
Иероглифы чёрных ветвей,
Обнажённый фрагмент из посланья
Раскалённых бескрайних степей.
Этот ветер ускорил процесс увяданья,
Листопадную эру страстей,
И – расширил обзор созерцанья.
Чтоб свободно – без гнёта листвы,
Её шорохов, шелеста, слова –
Проще было дожждаться весны,
Возродиться из памяти снова.

ЗЕМЛЯ ОТТАЯЛА

Земля оттаяла,
И сердцу – полегчало.
И мысль вернулась
к давнему началу,
когда ночная птица
прокричала,
а ветер дерева качал.
И это невеликое движенье
сумятицу рождало и томленье.
А сеть теней раскинулась легко
при чистом небе полнолуныя.
И снова птица – маленькая лгуныя –
порою вскрикивала здесь,
недалеко.
И выплывало об-ла-ко.
И таяла печаль,
и прошлое безумье
казалось шалостью,
и твёрдою рукой
я строки выводил
и вспоминал начало:
«Земля оттаяла,
И сердцу – полегчало».

ХОД ИСТОРИЙ

Календарным верю числам,
Приглашаю ветер в дом,
Наполняю будни смыслом –
Созидательным трудом.
Как бы ни был труд упорен,
Целью праздничной маня,–
Прекратится ход историй
Без душевного огня.

НЕВОЛЬНИЦА-ДУША

Свою бессонницу люблю,
Мне этот час полночный дорог.
Когда уснул уставший город,
Его дыхание ловлю.
И слышу, как легко Москва-река
Играет собственным приливом,
И ветер шквалистым порывом
Легко относит облака.
И в одиночестве стою, едва дыша,
И слушаю, что птица прокричала...
А вот невольница-душа
Забыла, как она молчала.

БЕСПЕЧНОСТЬ

Привнесу свою волю
В течение ночей,
Где по вольному полю
Рыщет ветер ничей.
А с высокого неба –
Бескорыстно скучна –
На волнения хлеба
Криво смотрит луна.
А привычные песни
Бесконечных цикад
Вспоминают беспечно
Погасший закат.

ДУХ

Усталость накопилась,
Но длится час ночной,
Чтоб утро объявилось
С живой золой печной.
И этот тёплый пепел –
Осадок от труда,
Где ветра спрятан лепет
И поздняя звезда.
Где вместе проявились
И боль моя, и грусть.
И в строчке уместились,
Чтоб помнить наизусть,
Чтоб мысль: Ещё не старость!
Ласкала взор и слух,
Чтоб утро повторялось
И укреплялся дух.

НОТА ГОРЯ

Молчит восток, алея.
Узнать ему пришлось:
Туннель моей аллеи
Сквозняк продул насквозь.
И ветру, что ли, вторя,
Как ветер свеж и чист,
Высокой нотой горя
Исполнен птичий свист.
И разбудил округу –
В тревоге все сады,
И тянутся друг к другу
Деревья у воды.
Мне внятен шум деревьев,
Поскольку много лет
В согласье и терпенье
Встречаем здесь рассвет.

НОЧЬ – НЕВИННА

*Приветствую тебя, пустынный
уголок...*

А.С. Пушкин

Приветствую тебя, моё уединенье,
Когда впадает ночь в оцепененье,
Рассыпав звёзд сухие семена,
Минувших дней не помнит имена.
Но чудится – восток уже светлеет,
И перелётный ветер матерееет,
А кроны сада близкого – видны,
Где скрыты призраки моей вины.

БЕЗ ФАЛЬШИ

Сужу по погоде,
Как делали встарь:
Уже на исходе
Суровый январь.
Ни тени роптанья,
Ни слова в укор
За сбитые ставни
И снежный террор –
За шалость метели
И норов ветров,
Они прилетели
С охапкою слов.
Так было и будет
Во веки веков...
И кто ж их осудит,
Повадки ветров?

ЗВЕЗДОПАД

Я вышел в сад, и было поздно.
И листья трепетали на ветру.
А небо чёрное роняло звёзды,
И все они сгорали на лету.
Примету вспомнив, новые желанья
Загадывал, ответа долго ждал,
Забыв, что после покаянья
Я недругам прощение послал...
Подвёл итоги, пережил желанья,
А то, что здесь задумал невпопад,
Надеюсь, всем смягчит страданья,
Пошлёт им в помощь звездопад.

НОЧНОЕ ЗНАНЬЕ

О, если бы не отнимало силы
Ночное знание о грядущем дне,
Иначе бы встречал Светило –
Я грел бы душу на его огне.
И, нежное прослушав пенье птичьё,
Поддался б утренним ветрам
И научился понимать величье,
Присущее невидимым богам.

ОЗЕРО ЮНОСТИ

Границы озера едва видны
Тревожной влажной ночью.
Но волны мерные слышны,
Похожие на многоточье.
Приходит тишина за ним,
За многоточьем тут же следом.
И я, своей бессонницей томим,
Рождённой жарким летом,
В недолгое впадаю забытьё,
Надеясь – прошлое припомню,
Вернусь в то скромное жильё,
Куда морские добежали волны.
Ночную мерность точно уловив,
Как будто в юность улетаю,
Где народившийся прилив
Голодных птиц тревожил стаю.

ВОЗМУЖАНИЕ

Было праздным начало,
но – работа – в конце.
Пусть её увенчает
Ожог на руках и лице
От слепящего солнца.
А тень – не вольна.
Ударяется в донце
Бесконечно волна.
И, не ведая пауз,
От уключины – скрип.
Напрягая мой разум,
Голос ветра охрип.
И, как будто, без цели,
Но – гребок за гребком –
Устремленье бесценно
В направленье одном:
Если море подвластно
Упоенью гребца,
Бесконечности страсти –
Догрести до конца,
До могучего мыса,
Порыв истребля...

Возмужание мысли –
Возвращенье себя.

ПРОЩАНИЕ ПОЛЕЙ

*Когда уронит лес последний лист
сухой...*

А. Фет

Роняет скудный лес
последние листы.
И светлый лик небес
нисходит с высоты.
Призывный слышен крик
летающих журавлей,
и наступает миг
прощания полей
с последним тёплым днём,
без ветра и дождя.
Боль растворится в нём –
Как будто походя.
Пока же литься свет
с небес не устаёт,
не знает сна поэт
и листьям счёт ведёт.

ЛУКАВАЯ ЛУНА

Солнце скрылось за ширмой домов,
Но горит часть закатного неба.
Подпалились бока облаков –
Прародителей зимнего снега.

Но до снежных ветров – далеко.
Вот и облако в виде дракона
Скоро-скоро исчезнет легко,
И очистится лик небосклона...

И спадёт с моих глаз пелена
Горизонт приоткроется шире,
И лукаво возникнет луна,
Чтоб господствовать в мире.

ЗРЕЛЫЙ ВОЗРАСТ

*Ночь, мороз, простор, затишье,
Чувство сладкое изгнанья.
Оказалось вновь излишним
Просветление сознания.
Время тает, ночь – на убыль,
На востоке свет затеплен.
С пробуждением этим грубым
Осознаешь: ты – бессмертен.*

ТЕМА БЕДЫ

Я хотел бы, услышав, поверить
Тихим звонам июньских ночей,
Чтобы отдыху время отмерить
Там, где чистый струится ручей.
Чтобы мог я увидеть в потёмках
Цвет изнанки у листьев в саду,
Чтобы мне не мешала котомка
Цель увидеть, к которой пойду
Из уснувшего тихого дома:
Он меня не сумел уберечь
От желания тайной истомы –
Облекать сновидения в речь.
Превращать первозданные звуки
Ветра, птиц и высокой звезды
В бесконечную песню разлуки,
Где главенствует тема беды.

СЛЕДЫ

Как свет, подаренный зарёю,
Я тайну втуне не держу –
Всю жизнь иду по рубежу
Меж небесами и землёю.
От неизвестности немею,
Следы заметив на снегу:
Услышать Бога не умею,
Увидеть Бога – не могу.
Но, строя строки или дорогу
В любом случившемся краю,
О помощи взываю к Богу,
И за неё – благодарю.

ЖИВУ

Я живу на планете
И, наверно, не зря:
Есть и внуки, и дети,
И, конечно, друзья.
Но настанет мгновенье
В неизвестном году –
Смолкнет сердца биенье,
Бездыханным паду.
Тростником я не стану
На ином берегу, –
Просто я перестану
Делать то, что могу.

ПЕРЕД УХОДОМ

Упали низко небеса –
На лес и крыши,
Слышны не только голоса,
И шёпот слышен.
И, отражённые рекой,
Под низким сводом
Слова любви несут покой –
Перед уходом.

ТИХАЯ ЗАВОДЬ

Ночь окутала тихую заводь,
Лес сомкнулся, и стало темней,
И заката последняя память
Опрокинулась в море теней.
И в такие минуты восторга
Сумрак чувств изгоняю, спеша,
Чтобы праздник ночной не отторгла
Воспарившая к небу душа.
Пусть забудет, хотя б на мгновенье,
Прозу суетных дел моего жития,
Чтоб меня посещало сомненье,
И не страхи, а страсти сгубили меня.

БЕССРОЧНАЯ ВЕРА

На перевале поздних лет,
Когда слышна усталость,
Трудней всего – найти ответ:
А сколько дней осталось?
Не нужно сроки отмерять –
А жить по полной мере,
И только небо уверять
В своей бессрочной вере.

НАЧАЛО ВЕКА

СТРАННОСТИ

Снег выпал ночью. В декабре.
В положенные сроки.
Стоят деревья в серебре,
Легко рождаются строки.
И первозданною зимой,
Немыслимые прежде,
Творятся странности со мной –
Я вновь живу надеждой.
И помыслы мои чисты,
Вновь бескорыстен путь.
Лишь нужно сжечь мосты,
Чтоб прошлое вернуть.

ГЛУХОМАНЬ

1

Лёгкий шорох шурги по карнизу,
Шелест листьев промёрзлых в саду...
Холод ночи на посох нанизан, –
Помогает на быстром ходу.
И безмолвю привычному ночи
Мягкий снег не мешает ничуть.
Потаённый упрёк одиночеств
Возвращенья приветствует путь.
И пока ещё вижу и слышу
Свет души и угрозу беды, –
Снег ложится на кроны и крышу
И за мной замечает следы.

2

Боль – не боль, пустяк, нелепица –
Сон затравленной души.
Мокрый снег на ветви лепится,
Изменяет лик глуши.
Тусклый свет сочится искренне,
Пробиваясь меж ветвей,
Неуместно думать выпренне,
Лучше думать – веселей,
Веселей смотреть на облако
И следить издалека,
Как к нему плывут по-доброму –
На подмогу – облака.
И, бредя в туманной полости,
Благодарным быть тому,
Что снега в своей покорности
Неподвластны никому.

ПАМЯТЬ

Напряженье натруженных будней
Проникает в само бытие.
Жизнь тяжёлою долго пребудет, –
Мы ж – безгрешные дети её.

Каждый шаг наш опасен и труден,
Но сознание своё бережём.
Эту жизнь никогда не забудем,
Потому что мы – память её.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

А ветка скребётся по крыше,
Поскольку свободны ветра,
Луна поднимается выше –
В ночи погулять до утра.
А страхи почти невесомы,
Утишилась боль, наконец,
Ночное спокойствие дома –
От правильных ритмов сердец.
И всё-таки, всё-таки, всё же,
Себя не спеша обмануть,
Я чую – спокойствие может
Взорваться разладом минут.
Разрушится таинство чуда,
В чём будет повинна звезда:
Неслышно придёт ниоткуда,
Потом пропадёт в никуда.

БЛАГОДАРЕНЬЕ

Не случилась январская стужа,
Явились иные ветра.
А прогнозом намеченный ужас
Затерялся в дороге с утра.
И слепящего солнца остуда
Отложилась до новых времён.
У природы иная причуда –
Обновлённый являть окоём,
Где до срока созревшие почки –
Свежий полк зачехлённых знамён.
А капель ставит мерные точки,
Не боясь, что нагрянет метель,
Перепутав январь и апрель.
Что же я? Этой жизнью научен? –
Прикасаюсь щекою к стеклу
И использую выпавший случай –
Благодарно внимаю теплу...
Пусть обманчива нынче погода,
И вернутся ещё холода, –
Но теплом одарила природа,
И мой отогрелись года.

ЯСНО

Сегодня сумеем отведать на вкус
Ночную, сухую февральскую выюгу.
Быть может, вернёмся к началам искусств,
Забытое слово припомним с испугу.
Пусть снежные стрелы исколют лицо,
И боль потревожит дремавшую душу,
А белые ветры свернутся в кольцо,
Всю выдохнут память снегами наружу.
Укроются в той карусели огни,
И к дому дорогу забудем опасно.
Но звёзды возникнут, напомнят они,
Что льётся их свет – не напрасно.
Тогда непогоде наступит конец,
Ведь небо сумеет ещё проясниться:
Спадёт пелена с омрачённых сердец,
И сон подоспеет, и море приснится.

ЖЕЛАНЬЕ ПЕРЕМЕН

И где-то Здесь, и в неизвестном Там,
И Близко, рядышком и в скрытом Далеке
Приходит время – расцветать садам,
Воде – теплеть в стремительной реке.
Закату – становиться снова розовым,
И длиться, длиться – без начала и конца.
А листьям – и кленовым и берёзовым –
Шуметь. А мне – не укрывать лица,
Смотреть в глаза небесной россыпи –
Всему скоплению ярких звёздных тел
И, наконец, дойти до дальней росстани,
Куда попасть я с давних пор хотел,
Чтоб ощутить в душе своей смятение –
Какую ж выбрать из больших дорог,
Чтоб испытать волшебное волнение,
Которым в прежней жизни пренебрёг.
Вновь ощутить тоску по малой родине,
И, с каждым часом удаляясь от неё,
Все звуки и цвета её природные
С собою взять, в грядущее житьё.

ЗРЕЛЫЙ ВОЗРАСТ

Еду с ярмарки. Путь – не пугает.
Гроыхает повозка, – пуста.
И на дудочке мальчик играет,
И мелодия эта – чиста.

Еду с ярмарки. Властвует лето,
До вершины ему – далеко.
А мелодия полнится светом,
И играет мальчишка – легко.

Этот звук бесконечен и звонок,
Как моя суматошная жизнь...
За повозкой бежит жеребёнок
По дороге, катящейся вниз.

СЕРЁЖА ЕСЕНИН

О, мама, как больно!

С. Есенин

Я выбегу в поле
И руки раскину:
Родное приволье,
Тебя не покину.
Налево, направо –
Летящие звоны,
Дурманная слава
Ветров и озона.
Пьянящие травы,
Звонящие песни
Не знают управы,
Не ведают мести,
Не слышат угрозы...
Их мир не нарушу –
Пусть снова берёзы
Врачуют мне душу.

В пути до порога
Вновь дышится вольно.
Откуда ж тревога:
– Как сладко, как больно?!

ЗИМА В РЯЗАНИ

Я по первому снегу бреду...

С. Есенин

Дым упал на крышу
Из печной трубы.
Чутко ветер слышу
Утренней судьбы.
Сны гуляют где-то,
Где – не разберу,
Время до рассвета
Проведу в бору.
Поброжу по свету,
Пусть и в горле хрип,
Слышен голос снега –
Под ногами скрип.
Под него я песню
Спеть в ночи успел –
Стало интересней
Тем, кто пьян и смел...

СОРНЯКИ И ЗЛАКИ

Зачем дана возможность эта –
Ночной порой, или в часы рассвета
Случайный дар торжественно беречь
И понимать ручья живую речь?
Внимать и шорохам травы,
И шелесту, и шепоту листвы,
И зверя зычный голос узнавать,
Залётным ветром доносимый?
Зачем еще другая сила –
Любить людей?
Чтоб от людей – сгорать?
Зачем – не знаю, почему – не знаю.
Живу, остановиться не могу.
...А годы – сорняки и злаки –
На перепаханном лугу.

СПЯЧКА

А время уходит,
Как снег под лучами
Весенними тает.
Раздумью в угоду
Я сон отгоняю ночами.
Люблю наблюдать,
Как неспешно светает.
Как облако вдруг засверкает
На фоне сгущённых небес.
Чуть позже таинственный лес
Очнётся от призрачной спячки,
Высокой сосны загорится свеча.
И вскоре стена водокачки
Проявится ярким пятном.
И буду я долго грустить об одном –
Что жизнь пролетела
Так быстро,
И я лишь представить успел:
Как тихо душа моя –
Яркая искра –
Теряется в сонме
Возвышенных тел.

ЮЖНАЯ НОЧЬ

Ничего, показалось, нет путного
В заповедном знакомом лесу
Для меня, загулявшего путника,
Отряхнувшего с листьев росу.
Но ожог от водицы остуженной
Хмель отправил немедленно прочь,
Возвратив запах пряного кружева,
Пропитавшего южную ночь.
Снова мысли чисты и раскованны –
И замедлился времени бешеный бег,
И подумалось – путь мой рискованный
Скромно впишется в прожитый век.

СТРУНЫ СТРОК

Струны строк настроены на встречу
С ветром, обитающим в глуши,
Там, где день перетекает в вечер,
Знающий метания души.
Только сон и шум ночных деревьев
В заповедной искренней глуши
Заслуживают полное доверье
Временем израненной души.

ВЫСОКИЙ СМЫСЛ

Ещё живу. И чувствую, и слышу,
Как дышит лес, откуда птичий свист
Влетает в окна, в дверь, на крышу,
А в воздухе кружит кленовый лист.
И боль – сладка, и новое томленье
Живой души пронзает существо.
Уходит предосеннее сомненье,
А небеса даруют торжество:
Неслышно усмиряется гордыня,
Высокий смысл земного бытия –
Отца – во имя, и во имя Сына
На склоне жизни постигаю я.

Содержание

РОДСТВО

Картечь	5
День рождения	6
Монголия	7
Года предфронтовые	8
Вина	9
Отчий дом	10
Письмо отцу	11
Мать и отец в молодости	12
Династия	13
Беда	14
Памяти родителей	15
1. «Здесь жилым уже не пахнет...»	15
2. «Отзовитесь, мой клич продолжительный – звонок...»	16
3. «Только так, а не иначе...»	17
Печаль	18
Сиротство	19
Дом деда	20
Вятские поляны	21
Родина матери	22
Уржумские старики	23
Детство. В ночном	24
В ночном	25
Слепец	26
Братья и сёстры	27

Обречённое родство.	28
Старший и младший	29
Образы нелюбви.	30
1. В гармоничном выраженье	30
2. «Тревожна ночь, а утро – далеко...»	31
3. «Ронять не стану бранные слова...»	32
4. «В час весенний, в час урочный...»	32
5. Обида – беда.	33
6. Ссора	34
7. Под парусом	35
8. Земли голоса	35
9. Ожидание утра.	36
10. Краски лета.	36
11. Дикий хмель.	37
12. Слепая тень	38
13. Сквозняк.	38
14. Разные судьбы	39
15. Уход любви.	40
Прощание	41
Память первой любви	42
Зов моря	43
Опасной тропой	44
Нежность	46
Образы любви.	48
1. «Запах моря, запах терпкой хвои...»	48
2. «На крыши вповалку ложатся дымы...»	49
3. «А ночь – тревожна, утро – далеко...»	50
4. «И открылось дальнейе пространство...»	51

5. Жена	52
6. Побег	53
7. Чудо-озеро	54
8. Без ложной суеты.	55
9. Память нежности.	56
10. Любовь – вольна	57
11. Поздняя любовь.	58
12. Метель	59
14. Прогулки при луне	60
Ожидание свиданья	62
Августовская гроза	63
Светлана.	65
Образ весны.	66
Явление любви	67
Богиня	68
Таёжный север	69
Феодосия	70
Кисловодское озеро	71
На грани	72
Все дети – наши дети	73
1. «Сознания нежный лоскут...»	73
2. «Нет ничего прекраснее...»	73
3. По следу	74
Сын.	75
1. «День затихает мирно, не спеша...»	76
2. «Час памяти минувших лет...»	76
3. «Тишина. Мороз...»	78
4. «Я иду своей дорогой...»	80

5. «Не зачерствел душой...»	81
6. «Вновь озноб рассветной влаги...».	82
7. «Я виноват перед тобой...»	83
8. «Есть бездумная скрытая сила...»	83
9. «На той или этой неделе – припомнить мне важно...»	84
Дочь	85
1. Жизни смысл	85
2. Молитва	86
3. Прошу прощенья	88
4. «Мне сегодня трудней, чем вчера...».	89
5. Удача	90
Во имя детей	91
Внук	92
1. Подросший тополь	92
2. Яркий свет	93
3. Первая радуга	94
4. На детском катке	95
Соборный ноябрь	96

ЗАМОЛЧАЛИ ПУШКИ

Честь имею	98
Замолчали пушки	99
Рассказ бойца спецназа	100
Ветеран афганской	102
Фронтовая разведка	103
Военная династия	104
Нельзя умирать молодым	105
Голоса войны	106

Поминки	107
День победы	108
Возмужание	109
Лето 1949 года	110
Отголоски	111
Звезда	112
Мужчины	113
Испытание боем	114
Победители – живы	115
Дед и внук	116
Ветеран Великой Отечественной	117
1. «Прошёл немало адовых кругов...»	117
2. «Он помнит первых листьев шелест...»	118
3. Старый пилот	118
30 лет спустя	119
Учения	120
После службы	121
Весенний призыв	122
Сон перед боем	123
Из письма отца с фронта	124
Родина	125
Тревога	126

ШЁПОТ ИЗ ШУМА

Время покоя	129
Слово	130
Поэзия	131
Утро наступает	132

Век – недолог	133
Облака	134
Покой	134
Жажда	135
По рубежу	136
Разбой	137
Юность миновала	138
Корабельная роща	139
Крик	140
Одиночество	141
1. «Горечь тополиных почек...»	141
2. Крепкое жильё	142
3. Праздник	143
4. Снега	144
Весенние ветры	145
Заглавная игра	146
Связь с веком	147
Благодарность	148
Пока сознание ясно	149
Философия боли	150
Память	151
Военная гошпиталь	152
1. Взрыв	152
2. Ропот	153
3. Реанимация	154
4. Свеча	154
Из госпитальной памяти	155
1. «Этот путь обозначен в бреду...»	155

2. «Хорошо б возродить снова память...»	156
3. «Полночный соловей – весёлая пичуга...»	157
Живая поросль	160
На страже.	161
Заплата.	162
Свои права	163
Урок	164
Оттиск судьбы.	165
Госпитальная весна	165
Чередой ночной	166
Отделение реанимации. Май 1980.	167
1. «Ни сочувствия, ни внимания...»	167
2. «На подоконник приплыла...»	167
3. «У изголовья птица пролетела...»	168
4. «Боль – как боль. Пустьяк, томленье...»	168

Отделение срочной хирургии

Без укора	169
Боль	170
Птица-сердце	171
Ущербное сердцебиенье	172
Мысль ухода	172
Продолженная жизнь	173
Отделение хирургии	174
Памяти саша абдулова.	175
Тает снег	176
Исполать, доктора!	177
Фонарь в госпитальном лесу	178
1. «И тает загадочный свет...»	178

2. «День ли, ночь – но фонарь всё горит...»	179
Дом на холме.	180
Луны каравай	181
В ипостаси посмертной	182
Предел	183
Преодолеть предел	184
Время не пришло.	185
Прилив.	186
Над пропастью	187
Мысль об уходе	188
Над жизнью.	189
Жизнь-подарок	190
Опыт.	191
Риск	192
Тихая ночь.	193
Умирать – нельзя	195
Выздоровление	196
1. «А в конце недели...»	196
2. «Снова облачность сплошная...»	197
Итоги	198
Второе рождение	199
1. «И вот он – предел. Я все одолел расстоянья»	199
2. Таял снег	200
3. «В последний час, в последний миг неволи...»	200
Жажда бытия.	201
Прощание	202
1. «Не в праздности...»	202
2. «Вечерние я слышу небеса...»	202

3. Спозаранок	203
4. Жизнь-лошадка	204
Матерь-природа	205
Вместо заклинания	206
Живая речь	207
Ветер	208

НИ КАПЛИ ГНЕВА

Ни капли гнева	211
Чудо	212
Возвращение в 80-е	213
Орнамент	214
Девочка-душа	215
Перед вечностью	216
В объятиях огня	217
Поиск	218
Шёпот	219
Два стихотворения	220
1. «Скрытый облик беды»	220
2. «Снег идёт»	220
Сомнение	221
Свет	222
Рассвет	223
Ночной ветер	224
Набело	225
Тень	226
Свет	228
Отвага	229

Судьба	230
Причал	231
1. «Прихожу я в минуты печали...»	231
2. «Я иду по краю света...»	232
Соль земли	233
Ветер удачи	234
Прибыток сил	235
Шторм	236
Слово-память	237
Вечность пролетает	237
Стук в окно	238
Выше – только небо	239
Бремя причала	240
Ветер юности	240
Ветер-невежда	241
Тени	242
Затишье	243
Строки о ветре	244
Власть ночи	245
Цель	246
На перевале	247
Творчество	248
Первая выюга	249
Дыханье	250
Конец листопада	251
Музыка ветра	252
Восхищенье	253
Яд стиха	254

Снежные дороги	255
Цикады	256
Страсти сентября	257
Капли-рубины	258
Костёр	259
Бабье лето	260
Полустанок	261
Вдохновенье	262
В круге поющих	263
А строки витают	264
Предчувствие зимы	265
Захолустье	266
Тень огня	267
Два стихотворения	268
1. «Хорошо бы звук набатный...»	268
2. «Колокольца звук беспечный...»	269
Дорога окружная	270
1. «Мой путь – окружная дорога...»	270
2. «Неизбежен лик печальный...»	271
Ранний снег	272
Поздняя зима	273
Проба пера	274
Заморозки	275
Высота	276
Обрести покой	277
Заповедные леса	278
Лики солнца	279
С новой строки	280

Птицы на снегу	281
Родственные души	282
Зимовье	283
Метель	284
Свет свечей	285
Мы – память	286
Счастье – мимо	287
Безгрешный свет	288
Предзимняя река	289
Свет домашнего огня	290
Бренная доля	291
Витаю с птицей	292
Ветер	293
Возрождение	294
Земля оттаяла	295
Ход историй	296
Невольница-душа	297
Беспечность	298
Дух	299
Нота горя	300
Ночь – невинна	301
Без фальши	302
Звездопад	303
Ночное знанье	304
Озеро юности	305
Возмужание	306
Прощание полей	307
Лукавая луна	308

ЗРЕЛЫЙ ВОЗРАСТ

Тема беды	311
Следы	312
Живу	313
Перед уходом	313
Тихая заводь	314
Бессрочная вера	314

Начало века

Странности	315
Глухомань	316
1. «Лёгкий шорох шурги по карнизу...»	316
2. «Боль – не боль, пустяк, нелепица...»	317
Память	318
Предчувствие	319
Благодаренье	320
Ясно	321
Желанье перемен	322
Зрелый возраст	323
Серёжа есенин	324
Зима в рязани	325
Сорняки и злаки	326
Спячка	327
Южная ночь	328
Струны строк	329
Высокий смысл	330

Литературно-художественное издание

Чекалкин Леонид Иванович

ВО ИМЯ

Стихотворения

Обложка художника П. Ефремова
Компьютерная вёрстка – Т.А. Скубенко

Подписано в печать 00.00.2014 г.
Формат. Гарнитура «Baskerville».
Бумага офсетная. Усл. печ. л.
Тираж 100 экз. Заказ №.

ИПО «У Никитских ворот»
121069, г. Москва
ул. Большая Никитская, д. 50а/5
тел.: (495) 690-67-19
www.uniki.ru